

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

КАМАЛОВА ШАХНАЗ НОВРУЗ КЫЗЫ

**Синтаксические модели тюркских языков в функционально-
семантическом аспекте (на материале языка древнетюркских памятников)**

Научная специальность 5.9.6.

Языки народов зарубежных стран

(тюркские языки)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата

филологических наук

Научный руководитель:

кандидат филологических наук, доцент

Телицин Николай Николаевич

Санкт-Петербург

2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ	19
1.1. История развития теории модельного описания предложения.....	27
ГЛАВА 2. КОПУЛЯТИВНАЯ МОДЕЛЬ	35
ГЛАВА 3. ПРЕДИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ	44
3.1. Субъект	46
3.2. Предикат	52
3.2.1. Глагольный предикат.....	53
3.2.2. Именной предикат	65
ГЛАВА 4. АТРИБУТИВНЫЕ МОДЕЛИ.....	70
4.1. Определительные модели	72
4.2. Дополнительные модели.....	96
4.2.1. Модели прямого дополнения.....	96
4.2.2. Модели косвенного дополнения.....	106
4.3. Обстоятельственные модели.....	120
4.3.1. Модели обстоятельства образа действия.....	122
4.3.2. Модели обстоятельства места.....	126
4.3.3 Модели обстоятельства времени.....	135
4.3.4. Модели обстоятельства цели.....	143
4.3.5. Модели обстоятельства причины.....	148
4.3.6. Модели обстоятельства меры и степени	152

4.3.7. Модели обстоятельства условия.....	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	159
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	168
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	171
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	172

ВВЕДЕНИЕ

Изучение синтаксиса тюркских языков, как правило, происходит в рамках комплексного описания грамматического строя тюркских языков, как в отечественной науке, так и в зарубежной. Этот процесс, в свою очередь, протекает без отрыва, а возможно даже в продолжение многочисленных исследований, посвященных изучению синтаксиса других, в основном, индоевропейских языков.

Предлагаемое диссертационное исследование продолжает традиции отечественного тюркского языкознания, базирующегося на изучении фактического материала одного из тюркских языков и теоретического осмысления тех конкретных реалий, которые регистрируются в текстах на данном языке. В этом случае вполне оправданно говорить о том, что настоящая работа сочетает в себе некоторые сравнительно-исторические приемы изучения языкового материала и обобщающий анализ обнаруживаемых конкретных языковых явлений.

В последнее время, как известно, придаётся большое значение исследованию конкретных языков, прежде всего, языков мёртвых или малоизученных, с целью выявления их структурных особенностей. В связи с этим язык древнетюркских рунических надписей представляет собой особый интерес, поскольку он является одним из первых письменных тюркских языков и демонстрирует в диахроническом плане самый ранний вариант синтаксического устройства, свойственного тюркскому языковому типу.

Древнейшие тюркские памятники рунического письма – первые образцы тюркского письменно-литературного языка – являются единственным в своем

роде свидетельством высокого уровня языковой культуры древних тюрков [Кононов 1980: 3].

Настоящая работа преследует цель исследовать типологию и морфологический состав, а также функциональное предназначение и структуру семантики тюркских синтаксических конструкций в том наддиалектном литературном стандартном варианте языка, который зафиксирован в древнетюркских рунических памятниках (далее ДТРИ).

Актуальность данной темы обусловлена рядом факторов:

1. Синтаксис является одной из наиболее значимых подсистем любого языка. Устройство тюркского синтаксиса изобилует особыми, порой даже специфическими по сравнению с европейскими языками чертами, выражающимися в наличии уникальных синтаксических моделей, как в сфере атрибутивных, так и в сфере предикативных конструкций.
2. Среди атрибутивных конструкций особое место занимают словосочетания с глагольными именными формами (причастиями, субстантивно-адъективными формами, масдарами и деепричастиями), активное использование которых позволяет уменьшить долю сложноподчиненных предложений в синтаксисе тюркских языков [Гузев, Бурыкин 2007: 111–112, 114].
3. Несмотря на то, что исследователи тюркских языков традиционно уделяют достаточно большое внимание рассмотрению синтаксиса и различных его аспектов, степень разработанности данного вопроса нельзя считать удовлетворительной. Большинство составленных на данный момент разделов, посвященных синтаксической подсистеме различных тюркских языков носит описательный характер. При описании синтаксиса авторы зачастую пользуются терминологическим аппаратом, сформированным на базе индоевропейских языков, относящихся к иному структурному типу, что не позволяет в полной мере

раскрыть оригинальную сущность этой области языка и ее составляющих. Наиболее перспективными в этом отношении предполагаются исследования, проводимые в опоре на теорию функционального синтаксиса, благодаря которому, во-первых, станет возможным последовательно разделить речевые высказывания с их индивидуальными особенностями от абстрактных языковых моделей синтаксических конструкций, обладающих инвариантными свойствами, во-вторых, классифицировать выделяемые в языке модели по их структурному типу.

Автор настоящего научного исследования обозначил себе следующие **цели**:

1. Предпринять попытку выявить и зафиксировать те синтаксические модели, которые можно отнести к исконно тюркским и отграничить их от заимствованных из других соседних языков, используя в качестве материала для анализа язык самых древних письменных памятников, дошедших до нашего времени;
2. Провести классификацию обнаруженных синтаксических моделей, применяя в качестве ведущего критерия тот тип синтаксического отношения, которым связаны компоненты конструкции, а в качестве более частного – их классифицирующее грамматическое значение.
3. В опоре на построенную классификацию синтаксических конструкций языка древнетюркских рунических памятников предложить гипотетическую модель возникновения и становления структурных синтаксических единиц одного из современных тюркских языков, стоящего на соответствующей шкале генетического развития и представляющего собой, таким образом, более поздний в диахроническом отношении язык (азербайджанский/турецкий).

Для достижения вышеуказанных целей диссертации автором были поставлены следующие **задачи**:

1. Разработка и построение понятийно-терминологического аппарата, необходимого для проведения диссертационного исследования.
2. Интерпретация и проработка текстов рунических надписей, необходимых для сбора речевого материала – базы для теоретического индукционного анализа, в результате которого предполагается выявить в рассматриваемой языковой системе весь набор обобщенных синтаксических моделей.
3. Описание языкового значения и речевых функций выявленных синтаксических моделей с позиций функционально-семантического и системного подходов в языкознании.

Таким образом, **предметом исследования** является синтаксический строй тюркских языков в функционально-семантическом аспекте (на материале языка древнетюркских памятников). В ходе исследования производится моделирование структуры и анализ семантики предложения как единицы языка, выявление универсальных для исследуемого языка типовых синтаксических структур (сокращенно ТСС), сходств и различий в их функционировании в текстах.

Объектом исследования являются язык древнейших памятников, именуемых в тюркологии «Орхоно-енисейскими надписями», которые были обнаружены в Южной Сибири, в Монголии, на территории современного Кыргызстана и Казахстана. Они создавались с конца VII до середины IX в. н.э. [Ташагыл 2018, 2020; Кляшторный 2006].

К наиболее поздним крупным текстам, написанным древнетюркским письмом, можно отнести «Гадательную книгу» (IX–X вв.), дата составления которой приблизительно 933 г. На Енисее и Алтае руническая письменность продолжала употребляться вплоть до XI в.

В качестве **источников** для практического исследования были взяты орхонские и енисейские памятники древнетюркского рунического письма.

1) Памятники Монголии, среди которых находятся крупнейшие памятники письменности тюрков, памятники долины реки Орхон:

1. Памятник в честь Кюль-Тегина, двуязычный памятник, предположительно создан в 732 г.

2. Памятник в честь Тоньюкука, датируется приблизительно 712–716 гг. Язык памятника Тоньюкука отличается от языка памятника Кюль-Тегина и ближе к языку уйгурских памятников [Кондратьев 1973: 26].

3. Памятник Могилян-хану (Бильге-кагану) (735 г.) По содержанию близок к памятнику Кюль-Тегину [Малов 1951: 11].

4. Онгинский памятник. Памятник поставлен в честь Ильтерэс-кагана и его жены – родителей хана Могиляна и Кюль-Тегина [Малов 1959: 7]. Датируется 690-706 гг. или 700-716 гг. [Кононов 1980: 14].

5. Памятник в честь Кули-чура (721 г.)

6. Памятник Моюн-чуру ("Селенгинский камень") (744–759 г.). Интересной особенностью памятника является то, что он написан на уйгурском языке руническим, а не уйгурским шрифтом, и относится ко времени Уйгурского каганата [Кормушин 2004: 147–150].

7. Памятники Хойто-Тамира (десять памятников).

2) Памятники бассейна Енисея, которые вопреки ранее распространенной в науке точке зрения, не являются наиболее древними [Малов 1952: 4–8]. Установлено, что памятники, переведенные еще В.В. Радловым, относятся к VIII–X вв. [Кызласов 1960: 93–120].

3) Памятники Горного Алтая, которые изучены гораздо меньше, чем памятники других регионов. Насчитывают 16 надписей, по объему они близки к енисейским

надписям, но, в отличие от енисейских надписей, представляют собой не эпитафии, а тексты на бытовые темы.

4) Рунические памятники из Восточного Туркестана, которые включают рукописные тексты и рисунки на фресках и на штукатурке пещерных храмов в Турфанском оазисе.

Методологическая и теоретическая основа настоящего исследования была заложена в основных концепциях по общему языкознанию, изложенных в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэнэ де Куртэнэ 1963], Ф. де Соссюра [Ф. де Соссюр 1977], В.В. Виноградова [Виноградов 2001], Н. А. Баскакова [Баскаков 2006], Н. Хомского [Хомский 1918, 2019]. Фундаментом диссертационного сочинения является теория функционального синтаксиса, основанная на функционально-семантическом подходе к языку, предложенная В.Г. Гузевым [2015]. Отдельного внимания заслуживает концепция системной лингвистики, последовательно изложенная в монографиях и статьях Г. П. Мельникова [Мельников 2003], а также научные работы Новосибирской тюркологической школы, возглавляемой М.И. Черемисиной [Черемисина 1989, 1991, 1996-1998], [Невская 1997], [Чугунекова 1998, 2019].

Автор также привлекает теоретические разработки, проведенные на материале тюркских языков, такими авторами, как С.Е. Малов [Малов 1951; 1959 и др.], А.Н. Кононов [Кононов 1956; 1980], А.М. Щербак [Щербак 1977], В.Г. Гузев [Гузев 2015 и др.], В.М. Насилов [Насилов 1963; 1974], Д.М. Насилов в соавторстве с В.Г. Гузевым [Гузев, Насилов 1975], Н.Н. Телицин [Телицин 2010; 2011 и др.], А.С. Аврутина [2011], М.Э. Дубровина [Дубровина 2010 и др.], Н. Б. Кошкарева [Кошкарева 2005], А.Н. Чугунекова [Чугунекова 2019], М.М. Musayev [Musayev 2011], K. Abdulla [Abdulla 2016], Q. Ş. Kazimov [Kazimov 2010], M. Erdal [Erdal 2004 и др.], C. Alyılmaz [Alyılmaz 2005], H. N. Orkun [Orkun 2011], M. Ölmez [Ölmez 2015], T. Tekin [Tekin 2003; 2020], Alışova Demirdağ

[Alışova Demirdağ 2021], а также статьи и монографии по тюркологии других авторов.

Все примеры и переводы примеров в настоящем исследовании цитируются по текстам памятников, представленных в трудах С.Е. Малова [Малов 1951; 1959]. Написание тюркских рунических слов и словоформ сопровождаются принятой в тюркском языкознании латинизированной транскрипцией.

Основным в исследовании является **метод** моделирования синтаксических конструкций (словосочетаний и предложений). Сущность этого метода заключается в том, чтобы выделить из речевых высказываний те модели, которые находятся в языковой системе в качестве абстрактных эталонов, и на основании которых происходит построение данных высказываний в речи.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Синтаксис представляет собой подсистему языка, имеющую ограниченный набор инвентарных синтаксических моделей.
2. Конкретные речевые высказывания базируются на типовых синтаксических структурах, компоненты которых связаны одной из трех синтаксических связей: копулятивной, атрибутивной, предикативной.
3. Так называемое многообразие проявления предложений и словосочетаний относится к сфере речи, в которой количество возможных конкретных синтаксических образований приближается к бесконечности. В то время как в языковой подсистеме количество исходных синтаксических моделей ограничено и составляет несколько десятков образцов.
4. Высказывания, наблюдаемые в речи, представляют собой конкретные воплощения (реализации) имеющих в синтаксической подсистеме языка моделей. Не всегда правомерно называть эти высказывания предложениями, так

как они могут базироваться на предикативной структуре, но не иметь в своем речевом составе финитной формы. Для тюркских языков наличие финитной формы в речевом высказывании является обязательным условием соотнесения его с понятием «предложение». Таким образом, на первый план в классификации синтаксических моделей выходит тип синтаксической связи, возникающей между компонентами конструкции. Так, инвариантная предикативная модель в речи может реализовываться в виде высказывания с глагольным сказуемым, высказывания с именным сказуемым, а также с различными предикативными высказываниями, не имеющим сказуемого, выраженного финитной формой (конструкции с деепричастиями).

5. Любое высказывание в речи может представлять собой сочетание реализаций, основанных на разных по своей структуре языковых синтаксических моделях. В одном высказывании может вычленяться и атрибутивная модель, и копулятивная модель, и предикативная модель, причем количество реализаций этих моделей в рамках одного высказывания не может быть изначально заданным.

6. Количество и типология моделей синтаксических конструкций являются уникальными для каждой языковой системы и могут не иметь аналогов в иных языках.

Основные научные результаты, полученные в ходе исследования, включают:

- 1) Определены субстантивные определительные конструкции "изафет" в языке ДТРП; они сопоставлены с аналогичными конструкциями в современном азербайджанском языке [Камалова 2017 (а): 93-96; Kamalova 2019: 75-83].
- 2) Выявлены аналитические формы в предикативных конструкциях языка ДТРП [Камалова 2017 (б): 41-47].

- 3) Рассмотрено понятие "синтаксическая модель" в контексте тюркских языков на материале древнетюркских рунических памятников (соавторство с М.Э. Дубровиной) [Дубровина, Камалова 2017: 61-65].
- 4) Определены предикативные модели в языке древнетюркских рунических памятников [Камалова 2018 (а): 94-97; 2018 (б): 8-20].
- 5) Исследованы синтаксические структуры тюркских языков на примере языка ДТРП [Kamalova 2018: 27-30 (на английском языке)].
- 6) Выявлены способы выражения обстоятельства места в языке древнетюркских рунических памятников [Камалова 2019: 73-75].
- 7) Определены копулятивные модели в языке древнетюркских рунических памятников и современном азербайджанском языке [Камалова 2020: 122-132].
- 8) Выделены модели косвенного дополнения в языке древнетюркских рунических памятников [Камалова 2023 (а): 3809-3815].
- 9) Рассмотрен глагольный предикат в языке древнетюркских рунических памятников [Камалова 2023 (б): 1283–1298].

Научная новизна исследования. Эта работа является первой в научной литературе попыткой рассмотреть синтаксические модели в языке древнетюркских рунических памятников. В ходе исследования мы выявили модели в языке древнетюркской рунической письменности и с примерами показывали, как они выражаются с помощью различных средств.

Теоретическая и практическая ценность работы заключается в том, что результаты исследования могут иметь не только теоретическое, но и практическое значение, в частности, в сфере преподавания любого тюркского языка, поскольку синтаксис любого из тюркских языков, во-первых, включает в себя приблизительно аналогичный по форме набор инвентарных единиц –

исходных синтаксических моделей, а, во-вторых, содержит приблизительно одинаковое их количество. Собранный и проанализированный фактический материал может быть полезен как для тюркологов, лингвистов общего профиля, научных работников филологической направленности, так и для изучающих тюркские языки и культуру в востоковедных тюркологических центрах.

Апробация работы. Основные положения работы изложены в следующих публикациях в ведущих рецензируемых научных изданиях и журналах:

1. Камалова Ш. Н. Субстантивная определительная конструкция «изафет» в языке древнетюркских рунических надписей и в современном азербайджанском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71). Часть 3. С. 93–96.
2. Камалова Ш. Н. Предикативная модель в языке древнетюркских рунических памятников // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 4. С. 94–97.
3. Камалова Ш. Н. Модели косвенного дополнения в языке древнетюркских рунических памятников // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16, выпуск 11. С. 3809-3815.
4. Kamalova Shahnaz Novruz. On the question of structural units of the Turkic syntax (On the material of the language of the ancient Turkic runic monuments) // TEXTE-Revue de critique et de theorie litteraire. 2018. № 4. P. 27–30. (THE JOURNAL IS INDEXED BY THOMSON AND REUTERS EMERGING CITATION INDEX)

Публикации в других научных изданиях:

1. Камалова Ш. Н. Аналитические формы в предикативных конструкциях (на материале древнетюркских рунических памятников) // Актуальные вопросы

тюркологических исследований: Международная научная конференция XIX Ивановские чтения, 19 мая 2017 г.: Материалы конференции / Под ред. Н. Н. Телицина. – СПб.: Центр содействия образованию, 2017. С. 41–47.

2. Дубровина М.Э., Камалова Ш.Н. О понятии «синтаксическая модель» применительно к тюркским языкам (на материале языка древнетюркских рунических памятников) // IV международная научно-практическая конференция. Современные проблемы гуманитарных наук. Сборник научных трудов по итогам конференции. Казань. 2017. С. 61–65.

3. Камалова Ш.Н. Опыт анализа синтаксических предикативных моделей в языке древнетюркских рунических памятников // *Türkolojiya. Bakı*. 2018. №4. С. 8–20.

4. Kamalova Sh. Izafet in Language of Ancient Turkic Runic Inscriptions and Modern Azerbaijan Language // *Zeitschrift für die Welt der Türken. München, Germany, VOL. 11, №1, 2019. P. 75–83.*

5. Камалова Ш.Н. Способы выражения обстоятельства места в языке древнетюркских рунических памятников // Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием «Предложение как единица языка и речи», посвященного 95-летию со дня рождения М.И. Черемисиной (Новосибирск, 8–11 октября 2019). Новосибирск. 2019. С. 73–75.

6. Камалова Ш. Н. Копулятивная модель в языке древнетюркских рунических памятников и современном азербайджанском языке. Вопросы тюркской филологии. Выпуск XIII: материалы Дмитриевских чтений / Отв. ред. М.М. Репенкова, Е.А. Оганова; ред. О.Н. Каменева, Е.М. Напольнова, А.В. Чиврикова; МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Издательство МБА, 2020. С. 122–133.

7. Камалова Ш. Глагольный предикат в языке древнетюркских рунических памятников. X. *Uluslararası Türkoloji Kongresi, Noca Ahmet Yasevi Uluslararası*

Türk-Kazak universitesi, Türküstan (Kazakistan), Bildiri Kitabı, Ankara, 2023, s. 1283 – 1298.

Выводы, полученные в результате проводимого исследования, прошли апробацию на международных научных конференциях:

1. Камалова Ш.Н. К вопросу о структурных единицах тюркского синтаксиса // XXVIII Международная Конференция по Источниковедению и Историографии Стран Азии и Африки. «Азия и Африка в меняющемся мире». СПб., 22–24 апреля 2015.
2. Камалова Ш.Н. Опыт сопоставительного анализа моделей субстантивных определительных конструкций в языке ДТРП в современных огузских языках // Международная научная конференция «Языки и литературы тюркских народов», посвященная 180-летию создания кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургской государственного университета. СПб., 26–28 октября 2015.
3. Shahnaz Kamalova. On Definitive and Completive Constructions in the Language of Runic Artifacts // The 6th international symposium on oriental ancient documents studies. Saint Petersburg, October 2–6, 2016 (Шестая международная конференция по изучению письменных памятников Востока).
4. Камалова Ш.Н. Аналитические формы в предикативных конструкциях на материале текстов древнетюркских рунических памятников // Международная научная конференция «Ивановские чтения». СПб., 9 мая 2017.
5. Камалова Ш.Н. К вопросу о предикативных конструкциях в языке ДТРП. // Международная научная конференция «XXXII Кононовские чтения». СПб., 27–28 октября 2017.

6. Камалова Ш.Н. Обстоятельственная структура в языках древнетюркских рунических памятников // Международная научная конференция «XXXIII Кононовские чтения». СПб., 26–27 октября 2018.
7. Камалова Ш.Н. Имена тюркского происхождения в языке Насими, и их сопоставление в древнетюркских словарях // Международная научно-практическая конференция «Духовное наследие Сейида Имадеддина Насими в историко-культурном контексте средневекового Востока». М., 19–20 ноября 2018.
8. Камалова Ш.Н. Типовые синтаксические модели в языке древнетюркских рунических памятников // XXX Международной конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: К 150–летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб., 19–21 июня 2019.
9. Камалова Ш.Н. Копулятивная модель в языке древнетюркских рунических памятников и современном азербайджанском языке // XXVII Международная конференция «Дмитриевские чтения». М., 4 октября 2019.
10. Камалова Ш. Н. Модель со значением обстоятельства цели в языке древнетюркских рунических памятников и современных тюркских языков (азербайджанский и турецкий) // Международная научная конференция «XXXIV Кононовские чтения», СПб., 25–26 октября 2019.
11. Ш.Н. Камалова. К вопросу об именных предикатах в языке древнетюркских рунических памятников // Пятая научно-практическая конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти С.Г. Кляшторного (1928–2014). Санкт-Петербург, 20–21 февраля 2023 г.
12. Камалова Ш.Н. О дополнительных конструкциях в языке древнетюркских рунических памятников // XXXII Международный конгресс по

источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ, 26–28 апреля 2023 г.

13. Kamalova Shahnaz Orhon-Yenisey abidelerinin dilinde yargısal (predikatif) yapılar. X. Uluslararası Türkoloji Kongresi, Hoca Ahmet Yasevi Uluslararası Türk-Kazak universitesi, Türküstan (Kazakistan). 17–20 ekim 2023.

Структура исследования:

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка источников и списка цитируемой литературы.

Используется сквозная нумерация примеров для иллюстрации различных грамматических форм и категорий.

Во введении обосновывается актуальность темы, характеризуется степень ее изученности, определяется предмет и объект исследования, формулируются цели и задачи диссертации, излагаются методологические и теоретические основы работы, а также дается история вопроса.

В первой главе рассматривается понятийно-терминологический аппарат, принятый автором в качестве основы для проведения исследования. Из общелингвистических понятий рассматриваются такие, как: язык и речь, лексема, монема, морфема, словосочетание, предложение, модель.

Во второй главе анализируются копулятивные модели. Выявляется ряд основных копулятивных моделей.

В третьей главе описываются предикативные модели; выявляются их разновидности.

Четвертая глава посвящена атрибутивным моделям (определительным, дополнительным и обстоятельственным). В данной главе дано определение

каждой разновидности атрибутивных синтаксических моделей и их компонентов.

В заключении приводятся выводы, к которым автор пришел в результате анализа языкового материала древнетюркских рунических памятников.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ

Для анализа и выявления основных особенностей синтаксиса древнетюркских памятников необходимо проработать теоретические положения с целью подготовки фундамента для практических исследований. Одним из важных в этом плане становится вопрос, связанный с пониманием того, как соотносятся друг с другом такие понятия, как «язык» и «речь». Этот вопрос, относясь к числу фундаментальных теоретических проблем языкознания, определяет дальнейшее направление лингвистического исследования, а также решение других, не менее значимых вопросов, связанных с разграничением явлений, относящихся либо к языку, либо к речи, таких как: фонема и звук, монема и знак, морфема и морф/алломорф/аффикс, форма и словоформа, модель, синтаксическая конструкция и высказывание, предложение и т.д. В связи с дискуссионным характером большинства понятий современного языкознания представляется необходимым изложить позицию автора. Теоретическую базу настоящего диссертационного исследования составляют идеи Г.П. Мельникова (1928 – 2000) [Мельников 1969: 104-113] и основанная на них концепция функционального синтаксиса, разрабатываемая в трудах В.Г. Гузева (1939 – 2021) [Гузов 2015].

Одним из базовых понятий языкознания, бесспорно, можно назвать понятие «язык». Тем не менее, в лингвистике нередко происходит смешение понятий «язык» и «речь», а еще более часто замещение понятия «язык» понятием «речь». Последнее встречается в работах, когда под языковыми особенностями и даже закономерностями понимают исключительно речевые факты, которые могут быть единичными, уникальными и не демонстрирующими инвариантных свойств языка.

В гносеологическом плане язык и речь рассматриваются как явления разной степени абстракции. Язык – это общее, абстрактное, речь – отдельное, конкретное явление. Находясь в обязательной диалектической связи, язык и речь представляют собой относительно независимые явления, о чём свидетельствует факт различия их системного построения, различия функций, неодинаковой степени и некоторой асимметричности их развития, различия их связи с общественной средой.

В плане онтологическом, язык относят к объектам психическим, идеальным, а речь – к явлениям физическим (физиологическим), материальным и, тем самым, доступным для наблюдения.

Язык следует рассматривать как объективно наличествующее явление. Язык «является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка» [Соссюр 1977: 47].

Следует отметить и положения, которые были высказаны И. А. Бодуэном де Куртенэ задолго до опубликования «Курса» Ф. де Соссюра. Прежде всего, необходимо вспомнить его размышления о «механизме языка», о различии «сущности языка» и «способности говорить» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 70–71].

Язык – это «грамматическая система, потенциально существующая в каждом мозгу или, лучше сказать, в мозгах целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в массе» [Соссюр 1998: 19]. Это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим. Он представляет собою социальный аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе ни может ни создавать его, ни изменять.

В свете функционально-семантического подхода к изучению языковых явлений справедливо говорить о том, что язык является объективно существующим в психике индивида коммуникативным механизмом [Бодуэн де Куртенэ 1963: 70–72, 174, 210], [Мельников 1978: 218–354]. Все единицы языка, инвентарные и структурные, трактуются как идеальные образования, представляющие собой абстрактные образы.

В свою очередь, речь является материальным звеном коммуникации. Ф. де Соссюр под речью понимал знак или множество линейно расположенных знаков, которые выступают в функции представителей какого-либо мыслительного содержания [Соссюр 1977: 51–53, Касевич 1977: 10–12].

По мнению В. А. Аврорина, речь является процессом «пользования» языком, процессом реализации языка, процессом реализации мышления и сознания путем одного или множества линейно расположенных речевых знаков. Благодаря речевой деятельности сознание человека постоянно пополняется и обогащается; таким образом, речь влияет на мышление, сознание, а сознание и мышление влияют и обуславливают речь. «Речь – это внешнее проявление языка, его конкретная реализация» [Аврорин 1975: 35]. Лингвисты различают речь устную (т. е. произносимую и слышимую) и письменную, которая находит выражение с помощью систем письма. Однако с позиций общего языкознания, это разделение едва ли представляет собой существенное.

Проводя разграничение понятий «язык» и «речь», необходимым представляется разграничивать и единицы этих объектов. В языкознании выделяются следующие разделы науки, которые изучают разные единицы языка: фонетика, лексикология и т.д. Однако более значимым можно признать необходимость выделять не области науки о языке, а объективно существующие подсистемы внутри самого языка, такие как: фонология, морфонология, морфология, лексикология, синтаксис. Каждая подсистема имеет свою инвентарную единицу,

которой в речи соответствует конкретная материальная реализация. Единица фонологии – фонема – в речи соответствует звуку (аллофону), единица морфологии – морфема – соответствует аффиксу (морфу), единица лексикологии – лексема – соответствует слову или словоформе, единица синтаксиса – модель синтаксической конструкции – соответствует высказыванию. Таким образом, в лингвистике существует традиция, согласно которой фонемы, формы, морфемы, категории, лексемы, графемы и другие термины «эмического» уровня означают единицы языковой системы, а термины «знак», «звук», «морф» (или аффикс), «словоформа», «слово», «высказывание», «предложение» – единицы речи.

Единицы языка подразделяются на две группы – инвентарные и структурные. К инвентарным единицам, как было уже сказано, относятся фонема (односторонняя единица), морфема, лексема, словосочетание и предложение.

Структурными единицами морфологической подсистемы языка являются: форма, категория (подсистема минимального объема). Их речевыми соответствиями являются разного рода комбинации знаков (сочетания слов, словоформы, сочетания слов и словоформ) [Гузев 2015: 252]. Следовательно, учитывая сказанное, грамматическую форму следует определить как набор наиболее общих правил-абстракций, некую модель, посредством которой образуется какая-либо словоформа, как минимальную структурную единицу словоизменительного механизма языка, представляющую собой абстракцию, на основании которой производится порождение конкретной разновидности словоформ [Гузев 1987: 40].

В качестве минимальной двусторонней единицы языка вслед за А. Мартине может быть принята монема, которая представляет собой единство двух абстрактных образов – означаемого и означающего – связанных в сознании коммуниканта устойчивой ассоциативной связью [См., например, Martinet 1960:

19-21; Мельников 1978: 255; Гузев 2011: 29–34]. Разновидность монемы, являющаяся языковым соответствием слова в речи, именуется лексемой.

Монема, наделенная грамматическим значением, а точнее служебным или лексемообразовательным, и являющаяся средством преобразования облика слова в речи, трактуется как морфема. Термин морфема был предложен И.А. Бодуэном де Куртенэ [де Куртенэ 1963: 183, 349]. Морфема определяется как минимальная единица морфологии, выступающая носителем одного из грамматических значений – словообразовательного или служебного, и является одним из основных средств оперативно-грамматического преобразования слова [Бодуэн де Куртенэ 1963: 183, 349; См. также: Гузев 2011: 94].

В соответствии с целью настоящего исследования представляется необходимым подробнее остановиться на анализе синтаксической подсистемы языка.

«Синтаксис – учение о принципах и способах построения предложений», – пишет Н. Хомский [Хомский 2018]. В.Г. Гузев и А.С. Аврутина отмечают, что синтаксис включает в себя следующие компоненты: «1) внутриязыковые соответствия фигурирующих в речи слов и словоформ, представляющие собой синтаксический инвентарь, строительный материал, из которого строятся речевые знаковые цепочки необходимой коммуниканту протяженности, лишь воспроизводимые при порождении речи; 2) правила линейного расположения слов и словоформ в речи, представляющих собой разновидности знаков; 3) абстрактные модели, структуры всевозможных типов высказываний, больших, чем одно слово, сложившиеся в психике человека; 4) отвлеченные образы функций, в которых выступают знаменательные (автосемантические) слова в качестве компонентов высказываний» [Гузев, Аврутина 2013: 6].

Под инвентарными единицами синтаксической подсистемы языка следует понимать знаменательные лексемы, которые либо сами становятся высказываниями, либо служат строительным материалом, из которого строятся

распространенные высказывания в виде линейных цепочек необходимой протяженности. Н. Хомский в своей теории картезианской лингвистики показал, что «у языка есть две стороны – внутренняя и внешняя», внутреннюю же структуру он называл «глубинной структурой», а внешнюю структуру – «поверхностной» [Хомский 2018: 73].

Ученый полагал, что глубинная структура – это «базисная абстрактная структура, определяющая семантическую интерпретацию предложения», по его мнению, такая структура является общей для всех языков. Поверхностная структура есть «поверхностная организация единиц, которая определяет его фонетическую интерпретацию и связана с физической формой реального высказывания, с его воспринимаемой или производимой формой». Далее Хомский выдвигает идею, что «семантическое содержание предложения передается именно глубинной структурой, лежащей в основе реально произнесенного высказывания» [Хомский 2018: 73, 78]. Таким образом, лингвист также предполагал, что любое речевое (внешнее) высказывание строится не само по себе, а опирается на некую глубинную структуру, типовую модель.

В литературе, посвященной проблемам синтаксиса, частое употребление имеет термин «синтагма». По общераспространённому определению, данному А.А. Реформатским, синтагма – это словосочетание компонентов, которые связаны друг с другом тем или иным отношением с неравноправной направленностью, где один компонент является определяемым, а другой – определяющим. [Реформатский 1996: 325]. Термин происходит от искусственно построенного термина *syntagma* (греч.) – буквально «нечто соединенное». Согласно И.А. Бодуэну де Куртенэ синтагмы, знаменательные лексемы и грамматические формы, являются внутриязыковыми эквивалентами слов, словосочетаний и словоформ в речи [Бодуэн де Куртенэ 1963].

До середины XX века среди лингвистов бытовало убеждение, что центральным понятием синтаксиса является понятие «предложение», исходя из чего, синтаксис определяли как учение о предложении. Многие языковеды относили предложение к числу языковых единиц. Так, В. З. Панфилов, который не проводил четкого различия между языковыми и речевыми единицами, рассматривал предложение как «языковую единицу, которая выражает относительно законченный акт мысли, характеризуется тем или иным видом коммуникативной интонации (сообщения, вопроса или побуждения) и обладает отнесенностью высказываемого содержания к действительности» [Панфилов 1971: 172].

В этом плане интересными выглядят доводы тех ученых, которые имеют иной взгляд по этому вопросу. В.Г. Гузев рассматривает предложение как одну из разновидностей высказывания, формирующуюся в момент речевой деятельности, обладающую конкретным смыслом и индивидуальными особенностями. Другими словами, ученый был убежден, что предложение представляет собой не абстрактную языковую единицу, а конкретную речевую реализацию некой инвариантной синтаксической модели, относясь, таким образом, к речи, а не к языковой системе, которая трактуется как элемент знания, состоящий из абстрактных образов [Гузев 2015: 258]. Высказывание, в свою очередь, Ф. де Соссюр понимал как речевую единицу, которая представляет собой знак или цепочку знаков, передающих законченное с точки зрения говорящего мыслительное содержание [Соссюр 1977: 48]. Следует отметить, что языковая система пребывает в психике индивида и тогда, когда он не принимает участия в коммуникации. В таком случае «языковая единица» в принципе не может выражать какой-либо законченной мысли, т.е. смысла. Следовательно, предложение и высказывание не могут относиться к языковым единицам.

Согласно последним проведенным исследованиям, инвентарной единицей синтаксиса, которая означает термином «синтаксема», соответствует абстрактный образ, извлекаемый от конкретного слова в высказывании, «нормально выполняющего какую-либо функцию (подлежащего, сказуемого, определения, дополнения и т.д.)» [Гузев 2015: 253]. Так, по мнению В.Г. Гузева, «в синтаксическом фрагменте языковой системы имеются образы, в которых отражены и закреплены схемы, модели, структуры, программы производства или разного рода конструкций (распространенных компонентов высказываний), или целых высказываний, состоящих более чем из одного слова [Гузев 2015: 254].

В.Б. Касевич основной единицей синтаксиса считает элементарную синтаксическую конструкцию: «Синтаксическое и, шире, грамматическое “ядро” языка — это система синтаксических конструкций» [Касевич 2006: 98]. Конструкция – речевая единица, состоящая из более чем одного слова или словоформы [Гузев 2015: 257]. Структурные синтаксические единицы соотносятся, в первую очередь, не с высказываниями, а с конструкциями. Конструкции же на речевом уровне, наряду со словами, играют роль строительного материала развернутых высказываний.

Вполне допустимо, что путем наполнения синтаксических моделей словами и словоформами в речи производятся конструкции, которые сами по себе выступают или в роли законченных высказываний, или компонентов других конструкций, что приводит к производству еще более развернутых конструкций. Процесс прерывается или заканчивается там, где, по мнению коммуниканта, завершается кодирование заготовленной порции смысла, т.е. подлежащей передаче слушающему информации, и все построение выступает в функции сложного (сложносочиненного или сложноподчиненного) высказывания [Гузев 2015: 258, Баскаков 1974: 13].

«Синтаксическая форма – пишет В.М. Павлов, – представленная, например, в виде формулы типа “существительное в именительном падеже + переходный глагол + существительное в винительном падеже”, может и должна быть соотнесена с частной (равным образом обобщенной, абстрактно-признаковой) семантической характеристикой ее элементов типа “агенса + процесс или акт воздействия на ч.-л. + объект воздействия” (учитываются типовые лексико-семантические содержания). Это придает соответствующим образом семантизированной формуле модели синтаксической конструкции статус (двустороннего) языкового знака» [Павлов 2004: 250].

Таким образом, в настоящей работе понимается, что словосочетания и предложения являются единицами не языковой системы, а речи. Языковые единицы представляют собой абстрактные образы, а речь и речевые единицы представляют собой материальное звено коммуникации.

1.1. История развития теории модельного описания предложения

В речи говорящие воспроизводят бесчисленное множество предложений, но в языке они строятся по определенным образцам, т.е. моделям, число которых в том или ином языке ограничено [Черемисина, Озанова, Тазранова 2008: 44].

Модель выделяется в результате анализа и теоретического осмысления фактов языка, она позволяет отразить и выделить структурные и семантические признаки изучаемого объекта. К вопросу о моделировании структуры простого предложения лингвисты подходили по-разному, рассматривая устройство самого простого предложения. В основе моделирования предложения лежат различные представления о том, что должно быть отражено в модели.

Модель – это языковая абстракция, способ представления предложения в отвлечении от конкретного лексического наполнения в виде пустых формализованных позиций, определенным образом связанных между собой. Модельный подход позволяет представить предложение как эмическую сущность наряду с фонемой, морфемой, лексемой [Байжанова 2004: 9].

Первые шаги в направлении моделирования русского простого предложения были сделаны Т. П. Ломтевым в 1960–е гг. [Ломтев 1969]. Он признавал двустороннюю знаковую природу предложения, но принятый им способ фиксации и представления моделей – без символов, «образцами-фразами» – не давал возможности полностью представлять модели предложения. Он увидел в предложении «позиционную структуру», состоящую из «позиционных звеньев». В ее составе каждое звено представляет позицию, которая в речи замещается словоформой в заданной грамматической форме. «Позиция» у Т. П. Ломтева подразумевала то синтаксическое место, которое диктует именам валентность предиката. Элементарной синтаксической единицей Т. П. Ломтев признавал не член предложения, не словесную форму, а позиционное звено в позиционной структуре предложения. В его системе понятий термин «позиция» по смыслу соответствует «синтаксическому месту» словоформы как компонента предложения.

По Т.П. Ломтеву, предложение – это единство «постоянных и переменных» компонентов, а его модель – закономерная связь постоянных элементов предложения, «грамматическая сущность, в которой заключено тождество данного предложения с рядом других предложений». Модель предложения имеет план выражения (структурную схему) и план содержания (типовое значение предложения). Модели предложений не представляют собой голых схем: они содержательны и имеют обобщенный характер [Ломтев, 1976: 146].

В развитии теории моделирования простого предложения важную роль сыграли работы Н. Ю. Шведовой [1973] и В. А. Белошапковой [1997]. В конце 60–х гг. XX в. Н.Ю. Шведова разработала «структурные схемы» русских простых предложений, в которых использовала символический способ представления предложения. Это позволило ей по-своему решить задачу моделирования структуры простого предложения. Но сам объект моделирования понимался ею узко: предложение сводилось к предикативному узлу, субъектно-предикатной структуре, к двусоставному или односоставному ядру предложения. Представленные ею структурные схемы не позволяют увидеть их содержание. Структурная схема, в понимании Н. Ю. Шведовой, – это «отвлеченный образец, по которому может быть построено минимальное самостоятельное и независимое сообщение» [Грамматика современного русского литературного языка 1970: 34].

В работах В.А. Белошапковой представлена иная точка зрения. В ее понимании структурная схема – это «отвлеченный образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания предложения» [Белошапкова 1997: 717]. Предикативный и номинативный минимумы предложения часто могут быть нетождественными по составу, что следует обязательно учитывать. Минимальный образец должен удовлетворять требованиям не только грамматической, но и информативной достаточности. В структурную схему включаются компоненты, необходимые для выражения смыслового содержания.

Г.А. Золотова определяет «модель предложения» как «живой образец, готовый к употреблению и наблюдаемый в употреблении, но взятый в существенном (в его предикативном минимуме) и в типическом, т.е. в аналогическом ряду, образованном моделями, состоящими из синтаксических форм того же типа и выражающими то же типовое значение» [Золотова 1973: 125]. Модели представляют собой структурные формулы типичных предложений. По мнению

Г.А. Золотовой, модель предложения должна обладать не только грамматической и просто информационной достаточностью, но и типовым значением. «Типовое значение – это общее значение множества предложений, представляющих данную модель, и вместе с тем – это общее значение нескольких синонимических моделей, сопрягающее равнозначные, но разнооформленные компоненты» [Золотова 1982: 25].

Разработка теоретических вопросов моделирования простого предложения, его метаязыка было начата в конце 1980–х гг. коллективом новосибирских лингвистов. Единая концепция выстраивалась в течение многих лет в трудах М.И. Черемисиной [1989, 1991, 1996-1998]. По ее мнению, «модель – это образец, по которому строится правильная фраза» и она «объединяет инварианты минимальных структурных схем, обеспечивающих законченность предложения, и соотнесенные с ними обобщенные пропозиции» [Черемисина, Озонова, Тазранова 2008: 6].

Согласно М. И. Черемисиной, фраза понимается как «речевое явление», а предложение как «единица языка». Предложение – «это такая единица языка, которая сама являет собою «систему», каждый компонент которой действительно необходим» [Черемисина, Озонова, Тазранова 2008: 9]. Именно такое элементарное простое предложение она называет моделью. По мнению ученого, термин «модель предложения» понимается как «знак единства плана выражения, фиксированного данной структурной схемой, и выражаемого предложением смысла» [Черемисина, Озонова, Тазранова 2008: 17]. Знаковой фиксацией модели является структурная схема предложения в сочетании со смысловой стороной.

Синтаксическая школа М. И. Черемисиной занимается исследованием моделирования простого предложения на широком материале, включающем языковые факты русского и ряда урало-алтайских языков. На настоящий момент

учеными выполнены описания как общих, так и конкретных моделей простого и сложного предложения многих сибирских языков [Черемисина 1976; Черемисина, Бродская, Скрибник 1986; Байжанова 1999; Черемисина, Озонова, Тазранова 2008; Кошкарева 2007 и мн. др.].

Исследованию были подвергнуты и тюркские языки Южной Сибири, а именно: алтайский, тувинский, хакасский и шорский. Моделям элементарных простых предложений в тюркских языках Сибири посвящен целый ряд научных работ: модели элементарных простых предложений (ЭПП) шорского языка описаны В. М. Теляковой [Телякова 1994]; модели именных предложений тувинского языка – Н. Ч. Серээдар [Серээдар 1995]; модели ЭПП пространственной семантики на материале шорского языка обобщены И.А. Невской [Невская 1997], модели, формируемые глаголами движения, описаны А.Н. Чугунековой [Чугунекова 1998], модели ЭПП, выражающих пространственные отношения, – Н.Я. Сагаан [Сагаан 1998]; модели ЭПП в алтайском языке – Н. Р. Байжановой [Байжанова 2004]. Результаты конкретных исследований моделей местонахождения, наличия, отсутствия и количества в тюркских языках Сибири были обобщены в совместной работе Н. Ч. Серээдар, Е. К. Скрибник и М. И. Черемисиной [1996].

Н. Р. Байжанова в своей работе [Байжанова 2004], подводя итоги анализа элементарных простых предложений в алтайском языке, выяснила, как функционируют предложения, строящиеся по структурной схеме $N_1 \leftrightarrow V_f$. Структурная схема $N_1 \leftrightarrow V_f$ строится на базе субъекта и одновалентных глаголов, обозначающих состояние, действие и движение, и является формулой гипермодели характеристики субъекта, объединяющей три модели ЭПП: 1) состояния субъекта; 2) действия субъекта и 3) движения субъекта [Байджанова 2004: 38, 57].

Модельный подход к описанию предложений привлекает синтаксистов тем, что позволяет структурно охватить бесконечное множество предложений, выделить

их семантические и структурные особенности [Байжанова 2004: 6]. Как пишет Г.П. Мельников, «в предложении так или иначе должна быть выражена информация о том, что является подлежащим, а что – сказуемым, или шире – должна быть указана предикативная граница между частями предложения. Кроме того, в различных языках часто получают внешнее выражение отношения между названием чего-то и уточнением этого названия, между действием и объектом действия, действием и обстоятельствами действия» [Мельников 1969: 107].

Таким образом, основываясь на выводах, к которым в результате анализа речевых высказываний удалось прийти Г. П. Мельникову, можно заключить, что наиболее значимым критерием для классификации синтаксических конструкций является тип синтаксической связи, которая возникает между членами этой конструкции, а именно: сочинительной (также применяется термин «копулятивная связь»), подчинительной (атрибутивной) и предикативной. Исходя из чего, в синтаксисе как фрагменте языковой системы наличествуют всего лишь три типа наиболее общих синтаксических моделей, по которым в речи воспроизводятся конкретные высказывания:

- 1) копулятивная модель;
- 2) атрибутивная модель;
- 3) предикативная модель.

Подобную позицию разделяют также А.Н. Баскаков [Баскаков 1974: 18], В. Г. Гузев [Гузев 2015: 259], М. Э. Дубровина [Дубровина 2011: 36–37], Ш. Н. Камалова [Камалова 2018: 28].

Отношения между компонентами копулятивной модели носят сочинительный характер и представляют собой объединение двух и более знаменательных слов. Объединенные одинаковой синтаксической функцией, но независимые по

отношению друг к другу слова в высказывании (однородные члены предложения) вступают в сочинительные отношения. Сочетание таких слов традиционно словосочетанием в прямом смысле не именуется, так как словосочетание всегда предполагает зависимость одного слова от другого. Но по терминологии, которая опирается на тип синтаксической связи, наблюдаемой между словами, подобные сочетания можно обозначить как «копулятивные» словосочетания.

Атрибутивная модель состоит из двух компонентов, один из которых представляет собой уточняемое (т.е. определяемое, дополняемое или обстоятельственное уточняемое) – главный компонент, а другой – уточнение (т.е. определение, дополнение и обстоятельство) – зависимый компонент [Гузев 2015: 260].

Общая атрибутивная модель синтаксической конструкции, исходя из того вида конкретного отношения, которое возникает либо между определением и определяемым, либо между дополнением и дополняемым, либо между обстоятельством и обстоятельственным уточняемым, распадается на три более частных разновидности:

1. Определительная модель;
2. Дополнительная модель;
3. Обстоятельственная модель.

Предикативная модель в речи реализуется как конструкция, в которой один компонент называет предмет мысли – субъект, другой – то, что сообщается, утверждается о предмете мысли, – предикат [Гузев 2015: 259].

Таким образом, полагаясь на результаты современных лингвистических исследований можно прийти к следующим выводам:

- 1) Синтаксис представляет собой подсистему языка, ответственную за построение высказываний в речи;
- 2) Синтаксис, как и остальные подсистемы языка, имеет свои инвентарные и структурные единицы: синтагму и модель синтаксической конструкции;
- 3) В синтаксической подсистеме языка обнаруживаются три типа наиболее общих синтаксических структур – моделей синтаксических конструкций, внутри которых возникает определенная связь: копулятивная структура, атрибутивная структура и предикативная структура.

ГЛАВА 2. КОПУЛЯТИВНАЯ МОДЕЛЬ

Настоящая глава посвящена исследованию копулятивных синтаксических моделей. Такие конструкции представляют собой объединение двух и более знаменательных слов, имеющих одинаковую синтаксическую функцию в высказывании (например, однородные подлежащие, однородные определения и т.д.). Будучи однородными, компоненты рассматриваемой синтаксической модели при этом независимы по отношению друг к другу и вступают в связь, которая имеет сочинительный характер. «Отношение подлежащего и сказуемого является тем основным отношением, из которого вытекают все остальные синтаксические отношения, за исключением одного-единственного: я имею в виду копулятивную связь между несколькими элементами, объединенными в один член предложения» [Пауль 2014: 163]. В отличие от сочетания таких слов, то, что обычно именуется в лингвистике «словосочетанием», как правило, предполагает зависимость одного слова от другого.

Копулятивные модели в языке древнетюркских памятников весьма ограничены и ранее не являлись объектом специальных исследований в разных работах [Баскаков 1974: 27; Гузев 2015: 261; Мельников 1969: 107]. Копулятивные модели недостаточно изучены не только в древних тюркских языках, но и в современном азербайджанском языке [Камалова 2016: 75].

В копулятивных моделях отсутствуют атрибутивные отношения между компонентами. Лексические единицы, входящие в словосочетания этого типа, принадлежат к одному грамматическому ряду. Близкие по значению слова в составе единого словосочетания логически дополняют друг друга, являясь представителями одного тематического ряда.

В копулятивных моделях каждое слово в словосочетании имеет свое собственное ударение. Сочинительные словосочетания способны в семантическом плане расширить объем значений денотата с эмоционально-оценочной окраской. В любом языке сфера употребления словосочетаний с копулятивной связью очень разнообразна. Такие словосочетания служат строительным материалом для составления высказываний; смысловое и структурное единство сочетающихся лексических единиц представляет собой развернутое наименование предметов, явлений, их признаков отношений к реальной действительности.

Структурный вариант копулятивной модели в языке ДТРП характеризуется простым перечислением однородных членов предложения. В текстах общая копулятивная модель может иметь конкретные реализации в виде высказываний с различными однородными членами.

2.1. *Вариант высказывания, в котором однородными являются подлежащие:*

1. Tabуаĉ, tüpüt, apar, purum, kirkiz, üĉ kurikan, otuz tatar, kitan, tatabi-bunĉa budun kälipän sÿrtamïs juylamïs (Ktb 4)

Tabуаĉ	tüpüt	apar	purum	kirkiz
Табгач	тибетцы	авары	римы	киргизи
üĉ kurikan	otuz tatar	kitan	tatabi	
уч-курыканы	отуз-татары	кытай	татабыйцы	
bunĉa	budun	käl-ipän		
столько	народов	приходить-CV		

sıytamıs   juylamıs

стонать-PRF плакать-PRF

‘табгач, тибетцы, авары и римы, киргизи, три-куруканы, тридцать-татары, кытай и татабийцы, столько народов придя, стонали и плакали’

В этом высказывании присутствуют не только однородные подлежащие: tabyaç, tüpüt, apar, purum, kirkiz, üç kurikan, otuz tatar, kitan, tatabi, но и однородные сказуемые: sıytamıs, juylamıs.

2. 2. *Вариант высказывания, в котором однородными являются сказуемые:*

2.

Eçümüz-aramız Bumın kağan tört buluñıy kısımsı, jiymiş, jajmiş, basmiş (O1)

Eçümüz-ara-mız   Bumın kağan   tört   buluñıy

Предки – 1PL.POSS   Бумын-каган   четыре   угол – ACC

Kıs- mış   jiy-mış   jaj-mış   bas-mış

Притеснить – PRF   повалить – PRF   победить – PRF   раздавить – PRF

‘Наш предок Бумын-каган четыре угла (мира) притеснил, повалил, победил, раздавил’

Выделенные однородные сказуемые являются компонентами высказывания, в целом имеющего предикативную структуру. Оба главных члена предложения имеют атрибутивные структуры: субъект, называющий производителя действий, – определительную, предикат имеет дополнительную, а также копулятивную конструкцию в составе сказуемого, которая состоит из четырёх членов.

Зачастую в конкретных речевых высказываниях с одним и тем же сказуемым могут вступать в связь два подлежащих, или же с одним подлежащим – два сказуемых. Если при этом отношение двух подлежащих к общему сказуемому или двух сказуемых к общему подлежащему совершенно одинаково, то такое трехчленное предложение может быть заменено предложением из двух членов, один из которых является копулятивным соединением двух элементов, причем существенного изменения смысла не происходит.

2.3. Вариант высказывания, в котором однородными являются определения:

3.

İçre aşsız taşra tonsiz yabız yablak bodunta üzä olurtım (Ktb 26)

İçre	aş-siz	taşra	ton-siz	yabız
Внутри	пищи –NEG	снаружи	одежды –NEG	жалкий
yablak	bodun-ta	üzä	olur-tı-m	
Низкий	народ– LOCABL	над	сесть – PST – 1SG	

‘...я сел (на царство) над жалким и низким народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи — одежды’

Компоненты данного высказывания, основанного на копулятивной модели синтаксической конструкции, – распространенные и нераспространенные определения: içre aşsız, taşra tonsiz, yabız, yablak.

Вся копулятивная цепочка представляет собой распространенное определение, где определяемым является слово **bodun** ‘народ’.

2.4. Вариант высказывания, в котором однородными являются дополнения:

4.

Türkimä bodunıma jegin anča qazıyanu birtim (M Xa 10)

...türk-im-ä		bodun-ım-a	jegin
тюрөк-1SG.POSS-DAT		народа-1SG.POSS-DAT	добро
anča	qazıyan-u	bir-ti-m	
Так	приобретать – CV	давать – PST –1SG	

‘Для моих тюрөк, для моего народа я добра как много приобрел’

2.5. *Вариант высказывания, в котором однородными являются обстоятельства:*

5.

İlqäri kün toysık(k)a birgärü gün ortusınaru, kurıyarı gün batsikıña, jırıyarı tün ortusınaru, anta içräki budun kop m(aña körür, anč) a budun kop itdim (Ktm 2-3)

İlqärü	kün	toysık-(k)a	birgärü	gün	ortusı- narı,

Вперед	солнце	восход – DAT	справа	полдень –DIR

kurıyarı	gün	batsikı-ña	jır-ıyarı

назад	солнце	закат –DAT	слева –DIR

tün ortusı-ınarı	anta içräki	budun

полночь-DIR	там находящиеся внутри	народы

kop	m(aña körür, anča	budun	kop	it-di-m

Все мне подвластны народ все устроить-PST-1SG

‘Вперед, к солнечному восходу, справа, (в стране) полуденной, назад, к солнечному закату, слева (в стране) полночной, – (повсюду) там (т.е. в этих пределах) живущие (букв. находящиеся внутри) народы – все мне подвластны, столь много народов, я всех устроил’.

Опираясь на фактический материал языка рунических текстов, можно заключить, что первоначально этот язык мог обходиться безо всяких особых служебных средств выражения копулятивной связи. В тюркских языках более поздних эпох связь между членами копулятивной модели может быть обозначена с помощью различных союзов. Некоторые подобные союзы возможно обнаружить и в языке ДТРП, например: *jämä* ‘также’, ‘еще’, *artuqı* ‘еще’, ‘кроме того’. Несмотря на то, что в текстах встречаются высказывания с этими служебными словами, такой способ связывания однородных компонентов в высказывании не является характерным.

6.

Kün jämä, tün jämä jälü bardimiz (Т 27)

<i>Kün jämä</i>	<i>tün</i>	<i>jämä</i>	<i>jäl-ü</i>	<i>bar-dī-miz</i>
День также	ночь	также	скакать-CV	идти-PST-1PL.POSS

‘Мы мчались [на конях] и днем и ночью’

При отрицательном сказуемом:

7.

İl jämä, budun jämä joq ärtäci ärti (Т 55)

<i>İl jämä budun</i>	<i>jämä</i>	<i>joq</i>	<i>är-täci</i>	<i>är-ti</i>
Эль ни народ	ни	нет	быть-PTCP	быть-PST

‘Ни эля (племени), ни народа не было бы’

Высказанное предположение подтверждается примерами современных тюркских языков, в которых однородные члены предложения часто употребляются без союзов. Например, в азербайджанском языке:

Qalx, oyan, zövq al bu fürsətdən [Cavid 2005: 58]

Qalx	oyan	zövq	al
Встать-İMP	проснуться-İMP	удовольствие	получить-İMP
bu	fürsət-dən		

Это возможность-ABL

‘Вставай, проснись, получи удовольствие от этой возможности’

Или с сочинительными союзами:

Aygün gözəl və ağıllıdır.

Aygün	gözəl	və	ağıllıdır
Айгюн	красивая	и	умная

‘Айгюн красивая и умная’

Формальные средства связи (сочинительные союзы) могут иметь место, но могут и отсутствовать, в таком случае наличествует простое соположение компонентов словосочетания. По мнению Г.П. Мельникова, полностью разделяемому автором настоящего исследования, «даже в тех языках, в которых есть специальные морфемы для выражения копулятивности, последние используются несравненно реже, чем средства перечислительной интонации. Следовательно, в языках, в которых господствует принцип экономии служебных элементов, выражение копулятивности тем более должно быть основано на интонации» [Мельников

1969: 107]. Сущность этого принципа сводится к тому, что в тюркских языках употребление в речевой словоформе словоизменятельных аффиксов (падеж, число) обусловлено наличием коммуникативной потребности, а не сложившимися в ходе эволюции традициями, следствием которых является формально-грамматическое использование морфологических элементов.

В языке древнетюркских рунических памятников компоненты копулятивных моделей объединяются на основе морфологического подобия и следующих основных семантических свойств составляющих их компонентов:

- а) семантическая близость и синонимия, например: *söz sab* ‘беседа’;
- б) антонимия, например: *açsık toksik ömüz sän* (Ktm 8). ‘Когда же ты тощ и голоден (но тем не менее), ты не понимаешь (состояния) сытости’.
- в) бинарность, например: *eçüm aram* ‘Мои старшие предки’.

В своей работе, посвященной персидскому языку, С. Э. Талыбова пишет: «Копулятивная связь в сложных словах имеет функцию интерфикса/капулы – *واو* *vāv-e miyānvand* *ون د م بان* и является неотъемлемой частью составных числительных после 20: 22 *bist-o do*, 157 *sad-o pancāh-o haft*» [Талыбова 2002]. Хусейин Даллы также определял составные числительные как копулятивные модели в современном турецком языке: «*beş yüz altmış üç*» [Dallı 2018: 126]. По нашему мнению, между составными числительными в тюркских языках, в том числе в языке ДТРП, современном турецком и азербайджанском, копулятивная связь не присутствует. Компоненты копулятивных моделей не зависят друг от друга и любой из них можно заменить его же синонимом или сократить без ущерба для содержания. Однако при сокращении или замене одного из числительных в сложном словосочетании, смысл, бесспорно, станет иным, например: *yüz elli iki* ‘сто пятьдесят два’ и *yüz iki* ‘сто два’.

Копулятивные конструкции представляют собой объединение двух и более знаменательных слов, имеющих одинаковую синтаксическую функцию в высказывании. Копулятивные модели в языке древнетюркских памятников весьма ограничены, и отсутствуют атрибутивные отношения между компонентами. Копулятивная модель может иметь конкретные реализации в виде высказываний с различными однородными членами, в котором однородными являются подлежащие, сказуемые, определения, обстоятельства и дополнения. В языке ДТРП имеется пять моделей, имеющих копулятивные конструкции.

ГЛАВА 3. ПРЕДИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ

Задачей данной главы является структурно-семантическое описание синтаксической модели, компоненты которой связаны между собой предикативной связью. Основная цель состоит в том, чтобы выделить именные и глагольные предикаты в языке древнетюркских рунических памятников.

Предикативная структура представляет собой материальную, чаще всего лексическую реализацию логического суждения, содержащего какой-либо конкретный смысл. По Г. П. Мельникову, предикация – это «акт выведения нового знания из наличного» [Мельников 2003: 139]. Ее модель составлена из синтаксического субъекта (далее СС) и синтаксического предиката (далее СП). СС в конструкции лексически представляет предмет мысли, субъект; а СП – компонент конструкции, который лексически называет предикат логического суждения [Гузев 2015: 262].

Необходимо осознавать, что всё многообразие конкретных предикативных высказываний в речи сводится к абстрактной модели, состоящей из двух компонентов – субъекта и предиката. Таким образом, схема любого предикативного высказывания может быть изображена в виде условных знаков: S + P [Дубровина, Камалова 2017: 62]. Общая синтаксическая модель «субъект – предикат» в сознании носителей языка может быть представлена, по меньшей мере, двумя основными моделями:

1. Субъект – Именной предикат.
2. Субъект – Глагольный предикат.

Для удобства восприятия в настоящей работе для обозначения первого типа предикативной модели принимается схема $S + P_n$ (предикат имя), а для второго типа – $S + P_v$ (предикат глагол).

Информация о субъекте и предикате передается в сообщении с помощью двух основных компонентов: темы (передает информацию о субъекте высказывания) и ремы (передает информацию о предикате высказывания). Тема и рема могут быть выражены несколькими словами, из чего следует, что в словосочетании могут присутствовать слово, называющее субъект, и слова, уточняющие (в качестве атрибутивных членов) границы и характеристики субъекта. В «ремной» части высказывания должны присутствовать слово, называющее предикат, и слова, так или иначе обслуживающие рему высказывания, т.е. несущие информацию о свойствах предиката или указывающие на объекты, с которыми предикат связан.

В общем языкознании была высказана идея, согласно которой для типичной ремы в языке формируется специальная группа слов – глаголы, а для простейшей типичной темы – имена [Сепир 1993: 114–116]. По словам Н.З. Гаджиевой, в тюркском высказывании формируются два «концентра определений и определяемых: подлежащий и сказуемый» [Гаджиева 1968: 23].

В. В. Виноградов пишет, что сущность категории предикативности заключается в отнесенности содержания предложения к действительности, которая, в свою очередь, расчлняясь, выражается в синтаксических категориях модальности, времени и лица [Виноградов 1960: 69, 80].

Предикативность и сказуемость лингвистами рассматривается как предикативность в собственном смысле слова и сказуемость как явление структурно-грамматического порядка. «Сказуемость в этом (особом) понимании определяется как грамматическое согласование сказуемого с подлежащим.

Средствами такого согласования считаются морфемы со значением субъекта мысли, которые выражаются аффиксами лица и числа. А предикативность квалифицируется как отношение, тождественное субъектно-предикатному отношению» [Сibaгатов 1984: 31].

Предикативность (или предикативная конструкция) является семантическим ядром предложения, именно через предикативность выражаются основные грамматические значения предложения – объективная модальность и синтаксическое время.

Рассмотрим элементарные предикативные конструкции, которые можно обнаружить в текстах памятников. Самыми элементарными реализациями конструкции типа S + P выступают простые нераспространенные высказывания. Так, например:

Kisi qorqmīš (ĪB1-2)

Kisi   qorq-mīš

Человек   испугаться – PST

‘Человек испугался’

Далее рассмотрим, какими частями речи могут быть выражены субъект и предикат в текстах рунических памятников.

3.1. Субъект

Субъект может быть выражен существительным, местоимением и субстантивированными словами, именными словосочетаниями, формами

вторичной репрезентации имени, глагольными именами, причастиями, субстантивно-адъективными формами.

3.1.1. Имя существительное в роли субъекта:

8.

Jirči boγuzlantī (T26)

Jirči boγuzlan-tī

Местный путеводитель заколоть – PST

‘Местный путеводитель был заколот’

3.1.2. Местоимение в функции субъекта:

При данной модели в функции субъекта могут выступать личные и возвратные местоимения.

9.

Biz äki biŋ ärtimiz (T16)

Biz äki biŋ ärti-miz

Мы два тысяч быть – PST – 1PL

‘Нас было две тысячи’

Местоимение **ben/män** в функции подлежащего для усиления значения сочетается со словом **öz** в притяжательной форме:

10.

Bilgä Toñuquq bän özüm tabγač iliŋä qilintim (T1)

Bilgä Toñuquq bän özüm tabγač

Мудрый Тоньюкук я сам табгач

il-i-ŋä

qılın-ti-m

народ–3SG. POSS–DAT

появляться – PST – 1SG

‘Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание под влиянием культуры народа табгач’

В данном примере **Bilgä Toñuquq bän özüm** – субъект, **qılıntim** – предикат.

В рунических памятниках согласование в лице при выражении предикативной связи иногда может отсутствовать:

11.

Biz äki sü bolti (T18)

Biz	äki	sü	bol-ti

Мы	два	войско	быть – PST– Ø

‘Мы были двумя войсками’

Выделительные местоимения в функции субъекта:

В памятниках ДТРП встречаются только два выделительных местоимения – **öz** и **käntü**. Местоимение **öz** переводится как «внутренность», «сердцевина», «сущность», «сердце», «мозг» [Кононов 1980: 167], а в сочетании с аффиксом принадлежности **özüm** переводится как «мое существо», «я сам», **öziŋ (özün)** – «твое существо», «ты сам», **özi** – «его существо», «он сам»:

12.

Özüm qarī boltim (T56)

Özüm	qarī	bol-ti-m

Сам я	старый	быть – PST–1SG

‘Сам состарился’

В памятниках зарегистрирован только один пример, в котором употреблено данное местоимение в форме 2 л. ед. ч.:

13.

Türk budun özün ädgü körtäči sän (M Xb 14)

Türk	budun	özün	ädgü
Тюркский	народ	ты сам – PRON.2SG	благо
kör-täči-sän			
видеть – PTCP – 2SG			

‘О тюркский народ, ты сам будешь жить счастливо’

Выделительное местоимение **käntü** в текстах ДТРП используется как субститут личного местоимения любого числа – «сам»:

14.

Käntü jañiltiy (Ktb 23)

Käntü	jañil-ti-γ
Сам	ошибаться – PST – 2SG

‘Ты сам совершил ошибку’

3.1.3. Субстантивированные слова в функции субъекта:

Окказиональная субстантивация в тюркских языках осуществляется лексико-синтаксическим способом, который состоит в том, что слова, не входящие в

разряд имен существительных, приобретают в определенном контексте, не меняя своей формы, предметное значение.

15.

Uluγī šad ärti (T5)

Uluγ – ī	šad	är-ti
Старший – 3SG. POSS	шад	быть – PST

‘Старший из них стал шадом’

3.1.4. САФ в функции субъекта:

16.

Kälmisi alp (T38)

Käl-mis-i	alp
Приходить – SAF – 3SG. POSS	храбрецы

‘Пришедшие – храбрецы’

3.1.5. Именные словосочетания в функции субъекта:

17.

Biziņ sü atı turuk azukī jok ärti (Kt 39)

Biziņ	sü	at-ı	turuk
Наше	войско	лошадь-3SG.POSS	худой

Azuk-ĩ   jok   är-ti
 провиант-3SG.POSS   нет   быть-PST

‘Кони нашего войска были тощи, провианта для них не было’

В этом примере представлены две предикативные конструкции. В первой конструкции субъект выражен притяжательным словосочетанием второго типа, предикат – прилагательным. Во второй конструкции субъект выражен именем существительным, а предикат – предикативными словами **jok** и вспомогательным глаголом **är-**.

3.1.6. Форма вторичной репрезентации в функции субъекта:

18.

Balıkdakı tayıkmis taydakı inmis (Ktb12)

Balık-da-kı   tay-ik-mis   tay-da-kı
 Город – LOC – SREP   гора –DERAF – PRF   гора – LOC – SREP
 in-mis
 спускаться – PRF

‘Находящиеся в городах поднялись в горы, а находящиеся в горах спустились’

3.1.7. Глагольные имена в функции субъекта:

19.

İçikigme içikdi bodun boltı (Bk 37)

İçik-ig-me   içik-di   bodun   bol-tı

Подчинять –DER AF – VN   подчиняться – PST   народ   стать –PST

‘Часть их вернулась и подчинилась мне и стала народом’

Здесь –ig словообразовательный аффикс, с помощью которого от глагольной основы образуются имена существительные [Alyılmaz 1994:12].

3.1.8. Причастие в функции субъекта:

20.

Üküř ölteçi anta tirilti (Bk 31)

Üküř   öl-teçi   anta   tiril-ti

Много   умереть – РТСР   там   оживать – PST

‘Многие обреченные на смерть остались в живых’

3.2. Предикат

В языке исследуемых текстов предикат выражен временными формами, модальными формами, сложными формами, аналитическими формами причастия, деепричастием (если это глагольный предикат). Если предикат именной, тогда выражается именем существительным, прилагательным, числительным, местоимениями, именными словосочетаниями, модальными глаголами, с послеложными словосочетаниями.

3.2.1. Глагольный предикат

Финитные формы глагола в тюркских языках «выступают в синтаксических конструкциях как сказуемое» [Телицин 2011: 182]. Иначе говоря, «в *verbum finitum* морфологически закреплена основная структурная категория тюркского предложения – предикативная связь» [Севортян 1963: 123]. Финитная форма глагола – морфологическое средство выражения суждения, т.е. мысли с субъектно-предикатной структурой, где субъект представлен грамматическим лицом единственного или множественного числа [Гузев 1982: 67–79], а предикат – одной из форм наклонения и времени глагола [Телицин 2011: 183].

3.2.1.1. Модель $S+P_{VF}$

21.

Ol sü anda ölti (Ktb 48)

Ol   sü   anda   öl-ti

То   войско   тогда   умереть – PST

‘То войско тогда погибло’

«Некоторые инфинитные формы глагола в тюркских языках могут выступать в качестве присвяточной части именного сказуемого (вторичный предикат), т.е. при употреблении с личными местоимениями или формами глагола **er-/ir-/i-** “быть”» [Телицин 2011: 184].

3.2.1.2. Модальные формы глагола в функции предиката

В древнетюркских рунических памятниках используются три формы модальности, с помощью которых образуется глагольный предикат, – *ärmiš(s)*, *ärinč*, *ärti*,

S+ P-ur ärmis(s)

22.

Türk bodunu jorijur ärmis (T9-10)

Türk bodun-u	jorī-jur	är-mis
Тюрк народ – 3SG.POSS	передвигаться – PRS	быть – PRF

‘Тюркский народ передвигается’

S+P -mis ärinč

23.

Täŋri ölütmis ärinč (T3)

Täŋri	öl-üt-mis	ärinč
Небо	убить – CAUS – PRF	ВОЗМОЖНО

‘Небо умертвило’

В исследовании Текина представлена следующая интерпретация: “Täŋri öl temis ärinč” [Tekin 2020: 14]

Täŋri	öl	ti-mis	ärinč
Небо	умереть	сказать – PRF	ВОЗМОЖНО

S+P -ti/-di ärinč

24.

Täŋri, Umaï, iduq Jär sub basa bärti ärinč (T38)

Tānri Umaĩ	ĩduq	Jār	Sub basa	bār-ti
Небо Умай	священная	Земля	Вода следом	давать – PST

äriñč

ВОЗМОЖНО

‘Небо, Умай, священная Родина (земля-вода) — вот они, надо думать, даровали (нам) победу’

S+P-duq äriñč

25.

Anta kisträ inisi äčisin täg kīlīnmaduk äriñč (Ktb5)

Anta	kisträ	ini-si	
Тогда	после	младший брат – 3SG.POSS	

äči-si-n		täg	kīlīn-ma-du-k
старший брат – 3SG.POSS –INST	как	поступать – NEG – PST –1PL	

äriñč

ВОЗМОЖНО

‘После этого их младшие братья совсем не поступали так, как поступали их старшие братья’

Предикат высказывания может представлять собой одну из сложных временных форм, образующихся путем сочетания **-r**, **-miš**, **-dī**, **-gay**, **-dačī** с одной из форм прошедшего времени глагола **är** – «быть» (ärti, ärmis).

S+P-r ärti

Форма **-r ärti** обозначает длительное действие, отнесенное в прошлое:

26.

Türk budun Tabyaçqa körür ärti (T1)

Türk budun Tabyaç-qa kör-ür äg-ti

Тюрк народ Табгач – DAT подчиняться – РТСР быть – PST

‘Тюркский народ был в подчинении у государства Табгач’

S+P -r ärmis

Форма **-r ärmis**, имея ту же временную сему, осложнена модальным оттенком неочевидности:

27.

Türk budun üläsikig anta anıy kisi anča boşyurur ärmis (Ktm7)

Türk budun üläsikig anta anıy kisi anča

Тюрк народ деление тогда злой человек так

Boşyur - ur äg-mis

Учить – РТСР быть – PRF

‘Говорят, что тогда злобные люди так научали часть тюркского народа’

S+P -miş ärti

Форма **-miş ärti** обозначает состояние, вызванное действием, которое предшествует фону прошлого. Точка отсчета времени смещается в прошлое:

28.

Ol ödkä kul kulliy bolmiş ärti (Ktb21)

O1	öd-kä	kul	kulliry	bol-miš	är-ti
То	время –DAT	раб	рабовладелец	стать –PRF	быть –PST

‘В то время (наши) рабы уже стали рабовладельцами’

S+P-tačĭ ärti

Форма **-tačĭ ärti** выражает тенденцию к совершению действия в прошлом, возможность или необходимость совершения действия, обозначает будущее действие по отношению к фону прошлого:

29.

Türk bodun öltačĭ ärti joq boltačĭ ärti (M33)

Türk	bodun	öl-tačĭ	är-ti
Тюрк	народ	умереть –PTCP	быть – PST

joq	bol-tačĭ	är-ti
нет – NEG	стать – PTCP	быть – PST

‘Тюркский народ мог бы погибнуть, мог бы исчезнуть’

Если в первой части высказывания употреблена форма **–sar**, то форма **-tačĭ ärti** приобретает семантику сослагательности:

30.

Udu bän özüm qazyanmasar Il jämä, bodun jämä joq ärtäčĭ ärti (T55)

Udu	bän	özüm	qazyan-ma-sar	
Если	я	сам	приобретать –NEG – COND	

И	jämä	bodun	jämä	joq
Государство	также	народ	также	нет

Är-täçi	är-ti
быть – PTCP	быть – PST

‘Если бы я сам не старался приобретать, то исчезли бы и государство, и народ’

3.2.1.3. Сложные формы глагола в функции предиката

Сложные глаголы представляют собою особое словосочетание, состоящее из имени и глагола специального лексико-синтаксического назначения [Кононов 1980: 118]. В ДТРП вторым компонентом сложного целого обычно выступают глаголы: **bol** – «делаться», «становиться»; **är** — «быть», «существовать»; **qil** – «делать». Однако только вспомогательный глагол **bol** выступает в функции предиката высказывания.

S+P_{bol}

31.

Inim Kül tigin käreäk bolti (Ktb50)

In-im	Kül tigin	käreäk	bol-ti
младший брат – 1SG.POSS	Кюл-Тегин	умереть	делать – PST

‘Мой младший брат, Кюл-Тегин скончался’

В этом примере «**kärgäk bolti**» выступает в функции предиката высказывания со значением «скончаться, умереть».

3.2.1.4. Глаголы, оформленные показателями аспектуальности, в функции предиката.

В памятниках рунического письма многочисленны случаи употребления сложновербальных конструкций в функции предиката высказывания. Предполагается, что в языке этого периода еще не сформировались видовые конструкции, как одна из разновидностей сложновербальных образований, обнаруживаемых в тюркских языках [Дубровина 2011: 151]. Таким образом, в языке ДТРП в качестве предиката такой предикативной модели возможно употребление только аналитической конструкции:

S + P_v аналитическая конструкция

Речевыми (конкретными) реализациями указанной предикативной модели языка древнетюркских рунических памятников являются следующие варианты:

S + P_v -u bär-

Форма **-a/ -u bär-** выражает действие, осуществляемое в пользу, в интересах другого лица.

32.

Qaγanīm... ötünčümin äsidü barti (T 15)

Qaγan-īm   ötünč-üm-in   äsid-ü   bär-ti

Каган –1SG.POSS просьба –1SG.POSS –ACC слышать – CV быть – PST

‘Мой каган соизволил выслушать мою просьбу’

S + P_V -a /-u /-p bar-

Аналитическая форма **-a / -u / -p bar-** имеет два значения: 1) полная завершенность действия; 2) длительное, продолжительное, «монотонно разворачивающееся действие» [Дубровина 2011: 153].

33.

Qaḡim qaḡan ... uḡa bardī (M Xa 10)

Qaḡ-īm	qaḡan	uḡ-a	bar-dī
Отец – 1SG.POSS	каган	скончаться – CV	идти – PST

‘мой отец [Эльтериш] каган скончался’

34.

Uluḡ irkin azqīña ärin täzip bardī (Ktb 34)

Uluḡ irkin	azqīña	är-in	täz-ip	bar-dī
Великий эркин	немногий	воин –ACC	бежать –CV	идти – PST

‘Великий эркин бежал [с поля брани] с немногими воинами’

Эта форма отмечена в узбекском, уйгурском, каракалпакском, киргизском, казахском, башкирском, татарском и других тюркских языках. Форма с показателем **-p bar-** по своему семантическому содержанию аналогична аналитической форме **-(y)ip git-** в огузских языках [Гузев 1990: 137].

S + P_V -ü olur-

В форме **-ü olur-** в качестве глагола-модификатора употребляется глагол *olur-* со значением «сидеть», «садиться».

Эта форма, судя по имеющимся данным, добавляла к лексическому значению исходного глагола оттенок процессуальности, длительности совершения действия [Дубровина 2011: 153].

35.

Türk bilgä qaγan, Türk sir bodunuy Oγuz bodunuy igidü olurur (T62)

Türk bilgä qaγan Türk Sir bodun-u-γ

Тюрк правящий каган Тюрк Сир народ – 3SG.POSS – ACC

Oγuz bodun -u-γ igidü olurur

Огуз народ – 3SG.POSS –ACC возвышать сидеть

‘Тюркский правящий каган всегда возвышает народ тюрков-сиров и огузский народ’

S + P_{V-u} qal-(kal-)

36.

Ölügi jurtda jolta jatu qaltačï ärtigiz (Ktb 49)

Ölüg-i jurtda jol-ta

Мертвые – 3SG.POSS страна –LOC дорога – LOC

Jat-u qal-tačï ärti-giz

Лежать – CV оставаться – PTCP быть –PST – 3PL

‘Мертвые так и остались бы лежать по кочевьям и на дорогах’

Используемая аналитическая форма имеет последовательно реализуемое в текстах функциональное предназначение – сообщать о действии, которое имеет затяжной характер протекания [Дубровина 2011: 157].

S + Pv -a ält-

По словам М. Э. Дубровиной, «значение самостоятельного глагола **ält** – “нести, тащить”, возможно, было как-то связано с действием, которое воспринимается как законченное, завершённое» [Дубровина 2011: 154]:

37.

Jaraqılıy qantan kälip jaña ält-di (Ktb 23)

Jaraqılıy   qantan   käl-ip   jañ-a   ält-di

Подходящий   откуда   приходить – CV   рассеять-CV   нести – PST

‘Откуда пришли вооруженные (люди) и рассеяли тебя’

S + Pv -ü jorī

Традиционно значением рассматриваемой аналитической конструкции называют указание на длительное, продолжительное или постепенно осуществляемое действие [Кондратьев 1980: 35].

38.

Anta kalmīšī jir saju kop turu ölü jorījur ärtiq (Ktm9)

Anta   kal-mīš-ī   jir   saju   kop

Тогда   оставшиеся –SAF – 3SG.POSS   страна   каждый   все

turu	öl-ü	jorī-jur	ār-ti-q
мертвый	умирать –CV	идти –PRS	быть –PST – 1PL

‘Вы же, оставшиеся тогда (живыми), по всем странам скитались в совершенно жалком положении (букв. то живя, то умирая)’

S + P_{V-(j)A} käl

Аналитическая форма **-(j)A käl**, которая употребляется в роли предиката высказывания, выражает завершенность действия с оттенком внезапности:

39.

Üč oγuz süsi basa kälti (M32)

Üč	oγuz	sü-si	bas-a	käl-ti
Три	огузов	войск – 3SG.POSS	нападать – CV	приходить – PST

‘Войско уч-огузов неожиданно напало [на нас]’

S + P_{V-(j)U / -Ü id/i-}

В рунических памятниках форма **-(j)U / -Ü id/i-** встречается довольно редко. Значением этой формы является указание на то, что исходное действие воспринимается как полностью завершенное:

40.

Türk budun illädük ilin ičγinu idmīs kayanladuk kayanin jitürü idmīs (Ktb 6-7)

Türk	budun	illä-dük	il-in	ičγinu	id-mīs

Тюркский народ   владеть –SAF   народ – ACC   лишаться – PST.1SG

Kaγan-la-duk   kaγan-ïn   jitür-ü   ïd-mis

Владеть каганом- SAF   каган- ACC   терять -PST

‘Тюркский народ привел в расстройство свой существовавший племенной союз и навлек гибель на царствовавшего над ним кагана’

3.2. 1. 5. Глагольный предикат выражен деепричастием:

41.

Sıγar süsi söñüşgäli kälti (BK 32)

Sıγar   sü-si   söñüş-gäli   käl-ti

Половина   войско – 3SG.POSS   сражаться – CV   приходиться – PST

‘Половина войска пришла, чтобы сразиться с нами’

По результатам проведенного исследования можно констатировать, что все имеющиеся в морфологической подсистеме языка ДТРП аналитические формы могли выступать в высказывании в качестве синтаксического предиката [Камалова 2017: 46].

3.2.2. Именной предикат

Модель S+P_N

Именной предикат выражается именем существительным, местоимением, прилагательным, числительными, глагольными именами, причастиями. Сложные именные предикаты выражаются сложными словами, именными словосочетаниями.

3.2.2.1. Именной предикат выражен именем существительным:

42.

Uluγī šad ärti (T5)

Uluγ-ī	šad	är-ti
Старший – ACC	шад	быть – PST

‘Старший из них стал шадом’

3.2.2.2. Именной предикат выражен именем прилагательным:

43.

Kälmisi alp (T38)

Käl – mis – i	alp
Приходить- SAF-ACC	героический

‘Пришедшие – храбрецы’

44.

Bujurukī jāmā bilgā ärmis ärinč alp ärmis ärinč (Ktb3)

Bujuruk-ī	jāmā	bilgā	ärmis ärinč
Приказной –АСС	также	мудрый	быть

Alp ärmis ärinč

Мужественный быть –PRF

‘Их приказные также были мудры, были мужественны’

Форма **ärinč** в системе глагольного спряжения или в качестве предикативной связки при именном сказуемом выражает действие как переход к внутреннему, имманентному состоянию, когда действие становится самодовлеющим (Насилов 1960: 69)

45.

Bilge tonyukuk anıγ ol öz ol (T34)

Bilge tonyukuk	anıγ	ol	öz	ol
Мудрый Тоньюкук	хитрый	3SG	понимающий	3SG

‘Мудрый Тоньюкук – он хитрый и сам он – понимающий’

В этом примере «**ol**» – личный аффикс 3-го лица.

3.2.2.3. Именной предикат выражен причастием:

46.

il jāmā, budun jāmā joq ärtäçi ärti (T55)

il	jāmā	budun	jāmā joq är-täçi	är-ti

государство также народ также нет быть – PTCP быть- PST

‘Ни государство, ни народ не были существующими’

3.2.2.4. Именной предикат выражен именным словосочетанием:

47.

Tokuz oguz bodun kentü bodunum ärti (Ktb34)

Tokuz oguz bodun kentü bodun-um

Токуз огуз народ собственный народ –3SG.POSS

är-ti

быть – PST

‘Народ токуз-огузов был мой собственный народ’

3.2.2.5. Именной предикат выражен именными словосочетаниями с послелогом:

48.

Jayımız tägirä uçuk täg ärti (T8)

Jayı-mız tägirä uçuk täg ärti

Враг –1PL.POSS вокруг хищные птицы как –POST быть – PST

‘Враги наши были кругом как хищные птицы’

3.2.2.6. Именной предикат выражен числительными:

49.

Süsi altı biñ ärmis, biz äki biñ ärtimis (T 16)

Sü-si	altı	biñ	ärmis
Войско – 3SG.POSS	шесть	тысяч	быть-PRF
biz	äki	biñ	är-ti-miz
мы	две	тысячи	быть – PST –1PL

‘У них было шеститысячное войско, нас было две тысячи’

3.2.2.7. Именной предикат выражен предикативными словами *jok, bar*:

50.

Tabğaç süsi bar ärmis (T30)

Tabğaç	sü-si	bar	ärmis
Табгач	войско – 3SG.POSS	есть	быть – PRF

‘Есть войско Табгачей’

51.

Azukı jok ärti (Ktb39)

Azuk-ı	jok	är-ti
Пицца – 3SG.POSS	нет	быть – PST

‘Пицци для них не было’

По ходу исследования мы определили, что в языке древнетюркских памятников субъект может быть выражен существительным, местоимением,

субстантивированными словами, именными словосочетаниями, формами вторичной репрезентации имени, глагольными именами, причастиями, субстантивно-адъективными формами. Они составляют 8 моделей.

В языке текстов предикат выражен временными формами, модальными формами, сложными формами, аналитическими формами причастия, деепричастием (если это глагольный предикат). Глагольный предикат образует 5 моделей.

В свою очередь, именной предикат выражается именем существительным, местоимением, прилагательным, числительными, глагольными именами, причастиями. Сложные именные предикаты выражаются сложными словами, именными словосочетаниями и составляют 7 моделей.

ГЛАВА 4. АТТРИБУТИВНЫЕ МОДЕЛИ

Одним из трех типов моделей синтаксических конструкций, пребывающих в синтаксической подсистеме языка, является конструкция с атрибутивной связью между ее компонентами. Выяснение сущности атрибутивной модели нередко становилось темой для лингвистических исследований и дискуссий среди ученых [Дубровина 2010: 36–38]. Подводя итог многочисленным мнениям в языковедческой среде, можно сделать несколько заключений.

Атрибутивная модель синтаксической конструкции представляет собой языковое средство выражения определенного типа связи между своими компонентами, и не может пониматься в узком смысле исключительно в качестве определительной модели. Атрибутивным может быть признано не только отношение между компонентом, который выражает признак, и главным компонентом словосочетания, но и то отношение, которое возникает между определяющим компонентом, называющим какой-либо признак действия и его определяемым, как в словосочетании ‘быстро бежит’, а также то отношение, при котором определяющий член – объект, называющий нечто, не содержащееся в самом определяемом, но связанное с ним объектными отношениями: пьет чай, смотрит телевизор и т. д. [Дубровина 2010: 37]. По мнению А.А. Реформатского, связь между признаком действия и самим действием может быть означена термином «релятивные отношения» [Реформатский 1996: 328], что соответствует, очевидно, более распространенному термину «релятивно-атрибутивные» отношения [Ахманова 1966: 384]. Связь же между дополнением и его дополняемым, согласно традиционному представлению, называется термином «объективные отношения» [Реформатский 1996: 328].

Основанием, на котором базируется объединение трех видов связи в единый тип, может быть признана позиция Н.А. Баскакова, который полагает, что «в языке следует говорить лишь о двух типах отношений: предикативных и атрибутивных в широком смысле, на основании последних в речи возможно построить высказывания с определяющим и определяемым (зависимым и главным) членами» [цит. по: Дубровина 2010: 37]. Дело, очевидно, в том, что первые построены на мыслительном акте предикации, а вторые — на атрибуции. По мнению Н. А. Баскакова, суть мыслительного акта атрибуции заключается в дифференциации, конкретизации одного понятия посредством другого понятия [Баскаков 1975: 34, 48]. Автор настоящей работы склоняется к мнению тех исследователей, которые видят сущность атрибутивных отношений в другом. Согласно их точке зрения, атрибутивные отношения возникают между такими компонентами конструкций, абстрактные образы которых в сознании индивида входят в состав некоего одного, общего, сложного, нерасчлененного представления» [цит. по: Дубровина 2010: 38]. Другими словами, компоненты атрибутивной конструкции на языковом уровне представляют собой два элемента, но на мыслительном они входят в один, нерасчленимый образ в противоположность двум образам – логического субъекта и логического предиката [Мельников 1978: 294–295].

Нередко атрибутивные словосочетания в литературе именуют подчинительными словосочетаниями, при этом дается указание на то, что «синтаксическим критерием выделения подчинительных словосочетаний является атрибуция, которая реализуется посредством следующих способов подчинительной связи: примыкания, управления и согласования» [Баскаков 1974: 19].

Атрибутивные модели подразделяются на три разновидности:

1. Определительные модели;

2. Дополнительные модели;
3. Обстоятельственные модели

Далее рассмотрим каждую разновидность атрибутивной модели на примере фактического материала памятников древнетюркского рунического письма.

4.1. Определительные модели

Под определительной синтаксической моделью В. Г. Гузев понимает такую конструкцию, «в которой отражена и обобщена связь предмета или действия с приписываемым ему или констатируемым у него признаком», и которая представлена в виде единства двух ее компонентов – абстрактных образов: определение (признак) + определяемое (обладатель признака)» [Гузев 2015: 269].

Определение, выражая тот или иной зависимый признак предмета, является наиболее отчетливо выраженным второстепенным членом словосочетания, поскольку связывается всегда со словом-носителем данного признака.

В языке древнетюркских рунических памятников, как и практически во всех других тюркских языках, определение стоит перед определяемым компонентом. Так, в качестве определения могут выступать имена прилагательные, указательные местоимения, числительные, существительные в форме родительного падежа, а также различные глагольно-именные формы, прежде всего, адъективные и субстантивно-адъективные формы [Телицин 2011: 188], в

качестве же определяемого компонента атрибутивных словосочетаний в этом языке употребляются, в основном, имена существительные.

Определение, являясь одним из второстепенных членов высказывания (предложения), обозначает любой признак или свойство предмета и может уточнять любой член предложения (подлежащее, именное сказуемое, дополнение, обстоятельство), при этом подлежащее может быть выражено именем существительным, инфинитивом или субстантивированным причастием. В любом тюркском высказывании зависимые компоненты обычно располагаются перед главными компонентами, зачастую образуя длинную цепочку последовательных, связанных друг с другом словосочетаний. Так, определение может относиться к дополнению и обстоятельству, дополнение – к определению (выраженному причастием) и обстоятельству (выраженному деепричастием), а обстоятельство – к определению (выраженному причастием), к дополнению (выраженному инфинитивом и отглагольным существительным), а также к другому обстоятельству [Грамматика азерб. яз. 1971: 282].

Атрибутивные отношения, возникающие между соответствующими компонентами высказывания в тюркских языках, рассматривали многие ученые, среди которых можно отметить А. Н. Кононова [Кононов 1980], Л. Г. Хабибуллину [Хабибуллина 2016].

По мнению А.Н. Кононова, определительные отношения бывают двух родов:

- 1) собственно-характеризующими, определяющими предмет и лицо;
- 2) обстоятельственно-характеризующими, определяющими действие [Кононов 1980: 212].

В соответствии с этим положением определительные конструкции оправданно разделить на два типа:

1. Конструкции, в которых определение выражено прилагательным, характеризующим предмет или лицо;
2. Конструкции с определительно-обстоятельственной формой либо адъективно-адвербиализованной формой (ААФ).

4.1.1. Определительные модели с прилагательными в функции определения

Самым типичным средством выражения определительных отношений в тюркских языках являются словосочетания с прилагательными. Определения, выраженные прилагательными, передают или качественные признаки, или признаки отношения к другим предметам.

Об имени прилагательном как о грамматической категории было написано уже в одной из первых грамматик по тюркским языкам – тюрко-татарской грамматике А. Казым-Бека [Казым-Бек 1846]. Вследствие того, что тюркские прилагательные в древних языках не имели особых морфологических показателей, само существование их в тюркском языке как самостоятельного лексико-грамматического класса имен в тюркологической литературе не раз подвергалось сомнениям. Известно, что А. М. Щербак, отмечая отсутствие имен прилагательных в тюркском языке, высказал мнение о том, что унификация прилагательных происходила при семантико-функциональной трансформации существительных, а также при сложении автономных морфологических систем, характеризующихся отграничивающими признаками, которые выражались на уровне не только исходных, но и производных форм [Щербак 1977: 109].

Э. В. Севортян, рассматривая формы прилагательных в древнетюркских памятниках V–VIII вв., описывает развернувшийся в ту эпоху процесс формирования имён прилагательных и имён существительных. Формирование имён прилагательных в тюркских языках, как и во многих других, происходило за счёт различных форм, появляющихся постепенно и в разное время. Одни из

этих форм были непродуктивными уже в древности, другие сохранили свою продуктивность до настоящего времени и даже повысили её степень. Некоторые формы были общими как для имён существительных, так и для имён прилагательных, другие же были свойственны лишь именам прилагательным, однако они не получили дальнейшего развития [Севортян 1963: 58–68].

Рассматривая части речи в современных тюркских языках, Н. А. Баскаков отмечает, что имя существительное, имя прилагательное и наречие не были самостоятельными частями речи, а входили в состав единой части речи «существительного-прилагательного-наречия». Она объединяла все имена предметов, статических признаков предмета, признаков признака и представляла собой функциональные грамматические формы одной общей части речи: (а) субстантива, из которого образовалось имя существительное, (б) атрибутива определительного, получившего развитие в имени прилагательном, и (в) атрибутива обстоятельственного, перешедшего в самостоятельную лексико-грамматическую категорию – наречие [Баскаков 1952: 158].

Всё многообразие конкретных определительных высказываний в речи сводится к абстрактной модели, состоящей из двух компонентов – определения и определяемого. Фактический материал языка древнетюркских рунических памятников демонстрирует, что абстрактная определительная модель может иметь две конкретные речевые реализации, в которых прилагательное выступает в функции определения:

Первая модель:

ADJ + N

Определение (имя прилагательное) + определяемое (имя существительное)

Вторая модель:

ADJ + V

определение (прилагательное) + определяемое (глагол)

4.1.1.1. ADJ + N

52.

Jäti jüz kisig udiziyıma uluyı şad ärti (T 4-5)

Jäti	jüz	kisig	ud-iz-iyıma	uluyı	şad ärti
Семь	сто	человек	следовать – CAUS – ACTN	старший –ACC	
şad	ärti				
шад	стать – PST				

‘Старший из них, кто заставил следовать (к нам) семьсот человек, был шадом’

А.Н. Кононов считал, что аффиксы **-yıma**, **-gıma** (-γ,-g – аффиксы вторичной глагольной основы = понудительный залог + -ma, -mä – имя действия) образуют отглагольное имя прилагательное. В составе предложения оно служит базой развернутым определениям [Кононов 1980: 110].

4.1.1.2. ADJ + V

53.

Jok çıyan budunıñ kop kobartım, çıyan budunıñ baj kiltım, az budunıñ üküş kiltım (Ktm 10)

Jok	çıyan	budun-ıñ	kop	kobar-ti-m
Нет	бедный	народ –GEN	весь	поднять – PST – 1SG

Čiyan	budun-iŋ	baj	kil-ti-m
Бедный	народ – GEN	богатый	сделать – PST – 1SG

Az	budun-iŋ	üküş	kil-ti-m
Мало	народ – GEN	много	сделать – PST – 1SG

‘Я вполне поднял погибший, неимущий народ, неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным’.

В этом примере слова **jok**, **čiyan**, **az** являются определениями к слову «budunïŋ». Слова **baj**, **üküş** образуют с глаголом **kiltim** смысловое единство и выступают в качестве определений при действии. В. М. Насилов такую форму назвал «предикативным определением» [Насилов 1960: 71].

ААФ выделяет качественную или количественную сторону признака в определяемом компоненте. Например:

54.

Taluïka kičik täqmädim, birgärü Tokuz ärsänkä täqi sülädim, Tüpütkä kičig tägmädim
(Ktm3)

Taluï-ka	kičik	täq-mä-di-m	birgärü	Tokuz
Море-DATLOC	немножко	дойти – NEG – PST – 1SG	направо	девять

Ärsän-kä	täqi	sülä-di-m
Эрсен – DATLOC	до	дойти – PST – 1SG

Tüpütkä	kičig	täg-mä-di-m
Тибет – DATLOC	немножко	дойти – NEG – PST – 1SG

‘Немного не дошел до моря; направо (т. е. на юг) я прошел с войском вплоть до «девяти эрсенов», немного не дошел до Тибета’

Слово **kičik** «малый», «младший», «молодой», становясь определительным компонентом при глаголе **täqmädim**, адвербиализуется и приобретает качественно-количественное значение «немного», «мало».

О.С. Ахманова и Г.Б. Микаэльян пишут: «Прилагательное, значением которого как части речи является обозначение признака, легко вступает в атрибутивную связь и выступает в роли определения. Напротив, существительные, обозначающие предмет, и обстоятельственные наречия по своему значению, естественно, имеют тенденцию к более самостоятельному положению в предложении, вступают в более свободную, комплетивную связь с другими словами: комплетивная связь наиболее приспособлена для выражения предметных и обстоятельственных отношений» [Ахманова, Микаэльян 2013: 148].

Обстоятельство образа действия резко отличается от таких типичных обстоятельств, какими являются обстоятельства времени и обстоятельства места и, напротив, объединяется с определениями.

В отличие от обстоятельственных наречий, такие наречия способны регулярно занимать положение непосредственно перед определяемым глаголом, т.е. положение, характерное и для приименных определений [Ахманова, Микаэльян 2013: 151].

Например, в азербайджанском языке «уахşı yazar, уахşı yazar» (хороший писатель хорошо пишет) первое слово «уахşı» (хорошо) перед существительным –

определение, а второе «уахşı» перед глаголом – адъективно-адвербиальная форма.

Итак, обстоятельства образа действия, стоящие в препозиции по отношению к глаголу, в высказывании по своей роли очень близки к прилагательным, определяющим существительное, и могут быть причислены к категории определения.

Определительные словосочетания разделяются на простые и сложные. Простыми словосочетаниями являются сочетания, которые состоят из определения-атрибута и определяемого, которое может быть как субстантивом, так и глаголом: «**çiyän bodun**» – «бедный народ», «**baz kiltim**» – «принудил к миру».

Сложный тип определительных словосочетаний – это такой тип, при котором определение и определяемое может состоять из группы или цепочки примыкающих определений, иногда достаточно длинной:

55.

Ädgü bilgä kisig, ädgü alp kisig jorïtmaz ärmis (Ktm6)

Ädgü	bilgä	kisig	ädgü	alp	kisig
Хороший	мудрый	человек	хороший	герой	человек

Jorï-t-maz ärmis

Ходить – CAUS – NEG быть

‘Хороших и мудрых людей, благородных героев народ табгач и их сторонники не (могли) сдвинуть (с истинного пути)’

Слова в первичном значении «**ädgü**» – «добро», «благо», слово «**alp**» – «герой» составляют сложное определительное словосочетание. В сложном

словосочетании, если имеется несколько определений, выражающих главные и второстепенные особенности определяемого, действует установленный порядок их следования. Определения, обозначающие главные, основные особенности определяемого, стоят непосредственно впереди определяемого, а определения, обозначающие второстепенные или малозначительные особенности определяемого, стоят впереди главных определений.

В языке древнетюркских памятников уже достаточно стабилизировались три типа словосочетаний, которые объединялись на основании того, какими внешними способами выражалась связь между их компонентами: примыкание, управление или согласование. В дальнейшем эти способы связи продолжали дифференцироваться в ходе исторического развития многочисленных тюркских языков.

Примыкание – композиция слов в их основной форме без аффиксального обозначения грамматических отношений. В языке древнетюркских памятников примыкание как тип подчинительной связи в определительных группах используется шире, чем в большинстве памятников последующих веков и в современных тюркских языках [Кононов 1980: 212].

56.

Üzä kök täñri asra jaýiz jir kılıntukda (Ktm1)

Üzä kök   täñri asra   jaýiz   jir   kılın-tukda

На голубое небо внизу темная земля   приходят – CV

‘Когда было сотворено (или возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв.: бурая) земля’

Как было отмечено выше, в тюркских языках субстантивные понятия могут переходить в адъективные и наоборот, а также возможны превращения субстантивно-адъективных понятий в адвербиальные, поэтому сфера распространения примыкания очень широка. Примыкание представляет определительную или обстоятельственную композицию слов.

57.

Tört buluᅇdaki budunıy kop baz kiltim, jayısz kiltim (Ktb30)

Tört buluᅇ-da-ki   budun-ıy   kop   baz   kıl-ti-m

Четыре угол – LOC-- SREP   народ – ACC   весь мир   делать – PST –1SG

Jayı-sız   kıl-ti-m

Враг – NEG   делать – NEG-- 1SG

‘По четырем углам (т.е. странам света) народы я все принудил к миру и сделал их не враждебными (себе)’

В этом примере слово **baz** «мир», выражая признак, становится адъективной категорией. Слово **jayısz**, буквально означающее «не имеющий врагов», выражая признак, трансформируется семантически в «не являющийся врагом». В словосочетаниях **baz kiltim**, **jayısz kiltim** прилагательные, выступая в качестве определений, уточняют глаголы.

Таким образом, в настоящее время ученые не пришли к общему мнению в вопросе, рассматривать ли имя прилагательное как самостоятельную часть речи в текстах древнетюркских памятников. По нашему мнению, прилагательные в

текстах древнетюркских памятников следует рассматривать как недифференцированное имя с предметно-качественным значением.

4.1.2. Определительные модели с причастием в функции определения

В роли определения употребляются действительные и страдательные причастия настоящего и прошедшего времени. Они характеризуют предмет по его действию или состоянию. В языке древнетюркских памятников определение, выраженное причастием, может быть препозитивным или постпозитивным.

Причастие настоящего-будущего I времени -r, -ir⁴, -ar²:

58.

Körür közüm körmäz teg bilir biligim bilmäz teg bolti (Ktb50 (10))

Kör-ür	köz-üm	kör-mäz	teg
Зрячие – PTCP	глаза –1SG.POSS	видеть – NEG PTCP	как

Bil-ir	biligi-m	bil-mäz
Знать – PTCP	знание –1SG. POSS	знать – NEG PTCP

teg bol-ti

как стать – PST

‘Мои зрячие глаза словно перестали видеть, вещей разум мой стал словно несведущим’

Отрицательная форма настоящего-будущего I времени **-maz²**:

59.

Bilig bilmäz kisi (Ktm7)

Bilig   bilmäz   kisi

Мудрость   знать – NEG РТСР   человек

‘Люди, не обладавшие (истинной) мудростью’

Причастия прошедшего неочевидного времени -**mīs**⁴:

60.

Elsirāmis qaγansīramīs bodunīγ (Ktb13)

Elsirā-mis   qaγansīra-mīs   bodun-īγ

Эль – РТСР   каган – РТСР   народ – АСС

‘Народ, утративший (свой) эль и лишившийся (своего) кагана’

Показатель -**sirä** добавляется к непереходному глаголу, передавая значение лишения того элемента, который выражен исходной основой слова.

Причастие -**sīq**, -**sik**:

61.

İl tutsik jir Ötükän jiš ärmis (Ktm 4)

İl   tut-sīk   jir   Ötükän   jiš   ärmis

Народ   захватывать – РТСР   страна   Отюкэн   чернь   была

‘Отюкэнская чернь была (именно) страной, в которой (можно было) созидать племенной союз’.

Причастие -**dačī**² / -**tačī**²:

62.

Öltäçi bodun (Ktb 29)

Умирать – РТСР   народ

Öl – täçi   bodun

‘Погибший народ’

Причастие **-sar, -sär**:

63.

Erdäm bolsar bodunïy (E29, 1)

Erdäm   bol-sar   bodunïy

Доблесть   быть – РТСР   народ

‘Народ, который должен быть доблестным’

4.1.3. Определительные модели с САФ в функции определения

САФ с показателем **-duq /- tuq** в функции развернутого определения:

64.

Közin körmädük qulaqaqïn esidmädik bodunïmïn ... (M Xb 11)

Köz-in   kör-mä-dük   qulaqaq-ïn

Глаза – 2SG.POSS   видеть – NEG – SAF   уши – 2SG.POSS

Esid-mä-dik   bodun-ïm-ïn

Слышать – NEG – SAF   народ – 1SG.POSS – GEN

‘Мой народ, который (до того) не видел глазами, не слышал ушами’

4.1.4. Определительные модели с числительными в функции определения

Широкую сферу употребления в языке древнетюркских памятников имеет определение, выраженное именем числительным. Такое определение в сочетании с именем существительным употребляется в предложении для уточнения предмета или лица с количественной стороны. Числительное в функции определения называет отвлеченные, лишённые предметности, числовые понятия, определенное количество предметов, выраженное в целых или дробных числах, порядок предметов при счете, совокупность сосчитанных предметов, мыслимых как единство. В языке древнетюркских памятников дробные числа не встречаются. Неоднородные определения, выраженные числительными, располагаются перед другими неоднородными определениями, выраженными прилагательными или причастиями, или же именами существительными в абсолютной форме. В роли определения в языке древнетюркских памятников могут употребляться все разряды имен числительных: количественные, порядковые, разделительные, приблизительные, а также нумеративные слова.

Приведем примеры с количественными числительными в функции определения. Определение, выраженное количественным числительным, выражает количество, представленное в виде некоего числа предметов, или же отвлеченное от конкретных предметов счетное понятие. Определение, выраженное порядковым числительным, определяет предмет по его положению в порядке счета.

65.

Äčümiz apamiz Bumın kağan tört buluñıy kismis (O1)

Äčü-miz	apa-miz	Bumın	kağan
Отец – 1Pl.POSS	старший родственник – 1Pl.POSS	Бумын	каган
tört	buluñ-ıy	kis-mis	

Четыре   угол –ACC   притеснить   –   PRF

‘Наш предок Бумын-каган четыре угла (мира) притеснил’

Как и количественные, порядковые числительные в роли определения не изменяются по падежам, а только примыкают к определяемому слову, располагаясь в его препозиции.

66.

Kaŋim kaγan it jil oninč aj altī otuzka uča bardī (MXa 10)

Kaŋ-īm   kaγan   it   jil   on-inč   aj

Кан –1SG.POSS   каган   собака   год   десять – ORD   месяц

Altī   otuz-ka   uč-a   bar-dī

Двадцать   шесть – LOC   умирать – CV   идти – PST

‘Мой отец каган скончался в год собаки десятого месяца, двадцать шестого числа’.

В этом примере **it**, **oninč**, **altī otuzka** – определения, **jil**, **aj**, **uča bardī** – определяемые.

В текстах памятников показатель **-ntī** был зарегистрирован один раз:

67.

Ikinti sūŋüs (Mč 9)

Iki-nti   sūŋüs

Два – ORD   битва

‘Вторая битва’

В текстах памятников показатель **-ik** также был зарегистрирован один раз:

68.

Äŋ ilik Toŋi balıkda süŋüşdimiz (Kt b44)

Äŋ   il - ik   Toŋi   balık-da   süŋüş-di-miz

Самый   первый – ORD   Тогу город – LOC   сражаться – PST –1PL

‘Самый первый (раз) мы сразились при городе Тогу’

Рассмотрим примеры, в которых в функции определения выступают приблизительные числительные.

69.

Äligčä är tutdımiz (T42)

Älig-čä   är   tut-dī-miz

Пятьдесят – APP NUM   воин   схватить – PST – 1PL

‘Около пятидесяти воинов мы пленили’

Приблизительный счет может быть выражен повторением количественных числительных:

70.

Qorŋi äki-üč kisilig[in] tezip bardī (M 37)

Qor-ŋi   äki-üč   kisilig[in]   tez-p   bar-dī

Бояться – CV   два три – APP NUM   человек бегать – CV   ходить– 3SG

‘Убоявшись, он бежал с двумя-тремя людьми’

В древнетюркских памятниках нумеративные слова **joli**, **qata** выступали в функции определения:

71.

Kirk artuk(i jit)i jolī sülāmis (Ktb 44)

Kirk artuk (i jit)i jolī sülā-mis

Сорок еще семь раз воевать – PRF

‘Сорок да еще семь раз ходили они походом’

Числительные в языке древнетюркских памятников могут выступать в функции определения только в препозиции.

4.1.5. *Определительные модели с местоимениями в функции определения*

В определительных моделях роль определения могут выполнять также и местоимения. В древнетюркских памятниках в функции определения могут находиться указательные, вопросительные, усилительные, обобщающие местоимения.

Указательные местоимения:

72.

Ol süg anta jok kīštīmiz (T32)

Ol süg anta jok kīš-tī-miz

То войско там нет уничтожить – PST – 1PL

‘То войско мы там уничтожили’

Вопросительные местоимения:

73.

Türk bodun iliḡin törüḡin kim artadī (Ktb22)

Türk bodun	il-iŋ-in	törü-ŋ-in
Тюрк народ	эль – 2SG.POSS – ACC	закон – 2SG.POSS – ACC
kim	arta- di	
Кто	погубить – PST	

‘Тюркский народ, кто погубил твой эль’

Возвратные местоимения:

74.

Kentü bodunim (Mč 14)

Kentü	bodun-ım	
Мой	народ – 1SG.POSS	

‘Мой собственный народ’

Обобщающие местоимения:

75.

Qamuq balıqqa tegdim (Oa1)

Qamuq	balıq-qa	teg-di-m
Весь	город – DATLOC	нападать – PST – 1SG

‘Я напал на весь город’

Местоимения могут выступать в функции определения только в препозиции:

76.

Bunı äsidiŋ (Ktm10)

Bunı	äsıd - iŋ

Это слышать – İMP

‘Слушайте это’

4.1.6. Определительные модели с именными словосочетаниями (изафетами) в функции определения

Имя существительное может стоять в препозиции и постпозиции. Препозиционное определение – это определение, где имя существительное обозначает название этноса, название года по животному циклу, имя собственное, географическое название [Кононов 1980: 213]:

Türk kağan (Ktm3)

‘Тюркский каган’

В зависимости от количества членов с подчинительной связью слов, определения делятся на простые и сложные. Сложный тип состоит из двух или более знаменательных членов. Как препозиционное, так и постпозиционное определение может быть выражено определительной группой.

Изафет является одной из разновидностей атрибутивных определительных отношений, которые в тюркских языках передают весьма широкий спектр реальных взаимоотношений между предметами: от отношений личной собственности (“реальной принадлежности”, т.е. притяжательные в узком смысле) до таких отношений, которые исследователи именуют “принадлежностью в широком грамматическом смысле” [Майзель 1957: 43]. Выразителями таких притяжательных отношений в тюркских языках выступают словосочетания, в которых и первый (определение) и второй (определяемое) компоненты относятся к субстантивным группам слов, среди которых могут быть существительные, местоимения, а также субстантивные формы глагола: САФы,

масдары и субстантивированные причастия. Такие определительные субстантивные конструкции в тюркском языкознании называются изафетом или изафетной конструкцией.

Содержание понятия «изафет» С.С. Майзель формулирует следующим образом: «Изафет представляет собой такое сочетание двух существительных, из которых одно, стоящее в родительном или неопределенном (основном) падеже, является определением и одновременно дополнением к другому – своему определяемому и одновременно дополняемому» [Майзель 1957: 13].

Изафетные конструкции в тюркских языках образуются тремя разными способами: в первом случае в качестве первого и второго компонентов выступает основа имени; во втором случае первый компонент – это основа имени, второй – словоформа с личным аффиксом принадлежности 3 л. ед. ч.; в третьем случае первый компонент принимает аффиксы родительного падежа, второй – аффиксы принадлежности 3 л. ед. ч.

Изафет I типа

Изафет I типа образуется способом примыкания. Изафеты этого типа С.С. Майзель называл «аморфным типом изафетов» [Майзель 1957: 43]. Аморфный характер первого типа изафета очень сближает его с соответствующими беспредложными сочетаниями в аналитических языках Западной Европы, но не отождествляет с ними. Изафет первого типа исторически, по-видимому, является наиболее древним [Гаджиева, Серебренников 1986: 54]. Поэтому в языке древнетюркских рунических памятников I тип изафета употреблялся чаще, чем формы изафета II и III типов.

Toŋra bir oyuş alpaŋu on äriq, Toŋa tigin joŋita, äqirip ölürtimiz (Ktb 47)

Toŋra   bir   oyuş   alpaŋu   on   äriq

Тонгра   некий   племя   герой   десять   воин

Toŋa   tigin joŋi-ta   äqir-ip   ölür-ti-miz

Тонгра герой похороны – LOC преследовать— CV убить –PST – 1PL

‘Мы убили, преследуя, на похоронах Тонгра Тегина, героев из племени Тонгра, десять человек’

В.Г. Кондратьев писал, что «Toŋra bir oyuş» является определением к словосочетанию «alpaŋu on äriq» [Кондратьев 1962: 70]. На наш взгляд, слово **bir** в этом примере употребляется именно в роли неопределенного местоимения: **Toŋra bir oyuş** ‘некоего племени Тонгра’.

В современных тюркских языках I тип изафета не допускает между определением и определяемым какого-либо слова, кроме неопределенного числительного **bir**, которое как имя числительное означает «один» и может переводиться по-русски словами «один», «какой-то» и «некий».

В современном азербайджанском языке в I типе изафета неопределенное числительное употребляется и между определением и определяемым, и перед изафетом (определением). Например, **taxta bir qaşiq** ‘какая-нибудь деревянная ложка’ и **bir taxta qaşiq** отличаются друг от друга незначительным оттенком. В древнетюркских памятниках **bir** как неопределенное числительное встречается редко:

Bir kisi jaŋilsar (Ktm 6)

Bir   kisi   jaŋil-sar

Один человек ошибаться-COND

‘Если один, какой-то человек ошибался/ошибается’

В ходе анализа употребления слова **bir** можно сделать вывод о том, что оно в качестве неопределенного числительного входит в употребление скорее на последующих этапах развития огузских языков. И категория определенности окончательно формировалась в тюркских языках позднее.

Изафет II тина

II тип изафета в древнетюркских рунических памятниках встречается значительно реже, чем I тип.

78.

Tabγač ilinā qīlintīm (T1)

Tabγač il-i-nā qīlīn-tī-m

Табгач государство – 3SG.POSS –DAT появляться – PST – 1SG

‘Получил воспитание в Государстве Табгач’

Изафеты второго типа во многих случаях становятся аналогом русских сложных и составных слов, выражая одно общее понятие. Например: «**uşaq evi**» (азерб.), «детский дом».

Значения собственных имен, географических названий, а также и национальной принадлежности (человека или явления) передаются в тюркских языках по первому и второму типам изафета. В большинстве тюркских языков значение национальной принадлежности передается II типом изафета, однако в кумыкском языке, в тувинском и древнетюркском языках оно передается I типом изафета: например, **Turk dil**, в азербайджанском же языке **türk dili** ‘турецкий язык’.

Изафет III типа

Изафет III типа организуется приемом согласования и им «выражается фактическая, реальная принадлежность» [Майзель 1957: 31]. Конструкции с определением в форме родительного падежа и определяемым с аффиксом принадлежности 3-го лица (изафет III типа) используются в языке древнетюркских рунических памятников сравнительно редко. Обычно его значение передается изафетом II типа. Изафет III типа выражает принадлежность предмета к предмету, обладание, притяжательные отношения. Например:

79.

Bilgä qaγanıñ bodunı (Oa3)

Bilgä	qaγan-ıñ	bodun-ı
Бильге	каган – GEN	народ – 3SG.POSS

‘народ Бильге-кагана’

Изафет III используется для выражения отношения части к целому:

80.

Adiγıñ qarñi jarılmıš toγuzuñ aziγı sınmıš (İB10-11)

Adiγ-ıñ	qarñi	jarılmıš
Медведь – GEN	брюхо – 3SG.POSS	разодрано
toγuz-uñ	aziγı	sınmıš
Кабан – GEN	клык – 3SG.POSS	сломаны

‘Брюхо медведя было разодрано, клыки кабана были сломаны’

В одном предложении для передачи притяжательных отношений одинаковая субстантивно-определительная конструкция используется как в третьем типе изафета, так и во втором типе изафета:

81.

Türk budunıy atı küsi jok bolmazun tijin...türk budun atı küsi jok bolmazun tijin
(КТb25)

Türk	budun-ıy	at-ı	küs-i
Тюркский	народ – GEN	имя – 3SG.POSS	слава – 3SG.POSS

jok	bolmazun	tijin	Türk budun	at-ı
нет	быть	чтобы	Тюркский	народ имя –3SG.POSS
küs-i	jok	bolmazun	tijin	
слава – 3SG.POSS	нет	быть	чтобы	

‘(Тогда) Небо, которое, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа ... чтобы не пропало имя и слава тюркского народа’

В этом примере первое словосочетание **budunıy atı**, определения с аффиксом **-ıy**, аффикс родительного падежа, и определяемое с аффиксом **-ı**, аффиксом принадлежности 3-го лица, образовали третий тип изафета.

Следует отметить, что наблюдается колебание употребления изафета II типа и изафета III типа, а также возможно использование изафета II типа вместо изафета III типа.

В древнетюркских памятниках изафет III типа выражает как связи, так и отношения.

По ходу исследования мы определили, что в языке ДТРП в функции определения выступают модели с прилагательным, с САФом, с числительными, с местоимениями и с именными словосочетаниями.

4.2. Дополнительные модели

Дополнительные модели состоят из двух компонентов – дополняемого и дополнения, служат средством выражения связи какого-либо действия, признака или предмета с каким-либо предметом [Гузев 2015: 282]. В зависимости от характера участия предмета в действии, обозначающие этот предмет дополнения делятся на два основных типа: прямое и косвенное.

Прямое дополнение обозначает прямой объект, т.е. объект, на который направлено действие. Косвенный объект имеет лишь косвенное отношение к действию.

4.2.1. Модели прямого дополнения

Прямой объект показывает реальный или грамматический объект, над которым совершается действие в реальном и грамматическом смысле. Он обычно употребляется с переходным глаголом. Прямой объект может быть оформлен аффиксом винительного падежа или же оставаться без падежного указателя. По употреблению аффиксов винительного падежа прямое дополнение можно

разделить на два типа: определённое и неопределённое. Определённый прямой объект в текстах рунических памятников может выражаться существительным в винительном падеже, а неопределённый прямой объект – существительным в неопределённом винительном падеже, т.е. без аффиксов.

4.2.1.1. Конструкции с дополнением, оформленным аффиксом винительного падежа

Определенный прямой объект в текстах рунических памятников может выражаться любым словом или словоформой, несущими предметную семантику: существительным в винительном падеже, местоимением, локативным прилагательным, субстантивированной частью речи, а также изафетным словосочетанием.

Имя существительное в винительном падеже может стоять непосредственно перед глаголом, а может дистанцироваться от него.

82.

Qizim̄in qaliᅇsiz bertim (E 47)

Qiz-īm-īn

qaliᅇ-siz

ber-ti-m

Дочь – 1SG.POSS – ACCDEF

выкуп-NEG

выдать – PST –1SG

‘Своих дочерей я выдал замуж без выкупа’

Имя существительное, оформленное показателем винительного падежа, обозначает определенный объект и оформляет прямое дополнение в следующих случаях:

1. Когда объект логически определен, т.е. как-то индивидуализирован, выделен из общей массы однородных предметов.

83.

Säkiz jäqirmi jašima altı çub soydak tapa sülädim, budunıy anta buzdım (M 24-25)

Säkiz	jäqirmi	jaš-ım-a	altı	çub
Восемнадцать		лет – 1SG.POSS – DAT	шесть	область
soydak	tap-a	sülä-di-m		
согдийцев	на – POST	ходить – PST –1SG		
budun-ıy	anta	buz-dı-m		
народ – ACCDEF	там	разбивать –PST – 1SG		

‘Когда мне было восемнадцать лет, я ходил с войском на согдийцев шести областей. (Их) народ я там победил’

2. В целях сохранения смысла предложения.

84.

Tilıy kälürti, sabı antay (T36)

Til-ıy	käl-ür-ti	sab-ı	antay
Лазутчик – ACCDEF	приходить – CAUS-PST	слово – 3SG.POSS	таково

‘Привели лазутчика, слово его таково’

В этом высказывании в случае отсутствия аффиксального оформления слова **til** ‘лазутчик’ могло возникнуть непонимание по причине изменения исходного

смысла, и вместо ‘лазутчика привели’ возникла бы интерпретация ‘лазутчик привел’.

3. Когда прямое дополнение содержит топоним:

85.

Ärtis ügüzüg kăča kältimiz (T37-38)

Ärtis   ügüz-üg   kăč-a   käl-ti-miz

Иртыш   река – ACCDEF   переходить – CV   приходить – PST – 3PL

‘Мы пришли, перейдя реку Иртыш’

4. Когда прямое дополнение является этнонимом.

В этих случаях название народа воспринимается как имя собственное, которое всегда требует морфологического оформления аффикса винительного падежа:

86.

Qırqızıy uda basdīmiz (T27)

Qırqız-iy   u-da   bas-dī-miz

Кыргыз – ACCDEF   сон – LOC   разгромить – PST – 1PL

‘Кыргызов мы разгромили во сне’

5. Когда прямое дополнение представляет собой словоформу имени существительного с аффиксом принадлежности 3-го лица:

87.

Qayanin tutdimiz (T41)

Qaγan-ï-n

tut-dï-mïz

Каган – 3SG.POSS – ACCDEF

захватить – PST – 1PL

‘Мы захватили их кагана’

6. Когда прямое дополнение определено указательным местоимением:

88.

Bu süg elt (T 32)

Bu

sü-g

elt

Это – PRON

войско – ACCDEF

вести – 2 SG IMP

‘Веди это войско’

7. Когда прямой объект выражен субстантивированной частью речи:

89.

Iligig ilsirätmis, kaγanliγiγ kaγansiratmis, jaγiγ baz kilmis (Ktb 15)

Il-lig-ig

ilsirä-t-mis

Народ – ADJ – ACCDEF

лишаться – IMP – PRF

Kaγan-liγ-iγ

kaγansira-t-mis,

Каган – ADJ – ACCDEF

каган – IMP – PRF

Jaγi-γ

baz

kıl-mis

Враг – ACCDEF

чужестранец

являться – PRF

‘Имеющих племенной союз он лишил племенного союза, имеющих кагана он лишил кагана, врагов принудил к миру’

Illigig, kaγanliγiγ, jayiγ представляют собой формы субстантивированных прилагательных и, будучи прямым дополнением при сказуемых **ilsirätmis, kaγansirätmis, baz kilmis**, получают аффиксальное оформление.

8. *Когда прямое дополнение выражено изафетным словосочетанием, передающим отношение принадлежности:*

90.

Tabγač kaγanin ičräki bädizčig iti (Ktm12)

Tabγač	kaγan-iŋ	ičräki	bädizči-g	it-i
Табгач	каган – GEN	внутри	мастер – ACCDEF	послать – PST

‘Табгач прислал мне «внутренних» мастеров своего императора’

4.2.1.2. Конструкции с прямым дополнением, не оформленным аффиксом винительного падежа

В текстах, составленных руническим письмом, так же, как и в других тюркских языках, фиксируются высказывания, в которых прямое дополнение может употребляться без аффикса винительного падежа. Как показывает анализ фактического материала различных тюркских языков, предмет – прямой объект воздействия чаще всего не получает эксплицитного морфологического выражения (т.е. посредством винительного падежа) в тех случаях, когда он передается в высказывании прилегающим дополнением, т.е. стоит непосредственно перед глаголом, с которым он связан [Дубровина 2011: 123].

Но важно понимать, что не во всех случаях прилегающее дополнение лишено морфологического оформления. Ученые-тюркологи, исследуя материал различных тюркских языков, указывали на некоторые причины, обуславливающие отсутствие у прилегающего дополнение аффикса винительного падежа. Так, по мнению А. Н. Кононова, «примыкающее» дополнение может выражать неопределенный объект, который в сочетании с глаголом-сказуемым образует сложное лексико-синтаксическое сочетание. При этом, несмотря на то, что дополнение выступает отдельным членом предложения, между ним и дополняемым возникает тесная семантико-синтаксическая связь, которая словно бы объединяет их в одно целое и не нарушается введением некоего морфологического показателя [Кононов 1956: 397].

Анализ фактического материала ДТРП также показал, что имя существительное в роли прилегающего дополнения без аффикса винительного падежа часто представляет неопределенный объект:

91.

Bitiq bitdim (K-Ç 28)

Bitiq   bit-di-m

Надпись – ACC İND   написать – PST – 1SG

‘Написал надпись’

В текстах памятников зачастую прилегающее прямое дополнение употребляется в неопределенном винительном падеже. Это происходит, когда объект, на который распространяется действие переходного глагола, не выделен из однородных предметов и представляет собой совокупное множество предметов, т.е. имя существительное берется в его собирательном значении:

92.

Käjik jĭjü, tabĭsyan jĭjü, olurur ärtimiz (T8)

Käjik	jĭ-jü	tabĭsyan	jĭ-jü
Олень – ACC İND	питаться – CV	заяц – ACC İND	питаться – CV
Olurur	är-ti-miz		
жить	быть – PST – 3PL		

‘Мы жили (там), питаюсь оленями, питаюсь зайцами’

Авторы «Грамматики тувинского языка» Ф.Г. Исхаков и А.А. Пальмбах выделили формальную закономерность появления аффикса винительного падежа: «Существительное в винительном падеже не имеет падежного аффикса лишь в том случае, когда стоит рядом с управляющим глаголом, но стоит вставить между ними хотя бы одно слово, как у существительного обязательно появится аффикс винительного падежа...» [Исхаков, Пальмбах 1961: 132]. Особенностью языка памятников является то, что прямое дополнение может стоять в основном падеже, даже если оно отделяется от сказуемого другим членом предложения (чаще всего обстоятельством образа действия, реже – обстоятельством места или другим членом предложения). В современных тюркских языках в этом случае прямое дополнение оформляется винительным падежом.

93.

Sab anĉa ĭdmis (T9)

Sab	anĉa	ĭd-mis
Слово – ACC İND	так	быть – PST

‘Слово был таково’

Очевидно, это связано с семантикой прямого объекта: когда объект выражает совокупность однородных предметов, аффикс падежа может не употребляться даже в том случае, если прямое дополнение отделено от управляющего глагола:

94.

Tabyač qaγanta Isji Likāŋ kelti, bir tüman aγī, altun, kümüš kergäksiz kelürti (KT52)

Tabyač   qaγan-ta   Isji   Likāŋ   kel-ti

Табгач   каган – LOC ABL   Исжи Ликен   приехать – PST

Bir   tüman   aγī   altun

один   десять тысяч   дар – ACCIND   золото – ACCIND

kümüš   kergäk-siz   kelür-ti

серебро – ACCIND   счет – NEG   приносить – PST

‘От табгачского кагана пришел Isji Likāŋ, он доставил множество даров и несметное количество золота и серебра’

В объектных словосочетаниях, когда имя существительное при глаголе переходного действия факультативно стоит в форме основного (неопределённого, неоформленного) падежа, «следовало бы признать примыкание, а “падежное примыкание” отнести целиком к управлению» [Аманжолов 1969: 18].

95.

Bängü taš tokitdīm (Ktm12-13)

Bängü   taš   tök-üt-dī-m

Вечный

камень – ACCIND

поставить – CAUS – PST – 1SG

‘Памятник я поставил’

Исследователи тюркских языков не раз отмечали, что прямой объект может, помимо аффикса винительного падежа, оформляться также и аффиксом исходного падежа. Так, по мнению Н. Ч. Серээдар, в тувинском языке «прямой объект обозначается оформленным и неоформленным винительным падежами и исходным падежом. Каждый падеж имеет свои особенности употребления. Так, существительное в винительном падеже занимает в предложении свободную позицию: оно может стоять непосредственно перед глаголом, но может стоять далеко от управляющего им глагола. Существительное в неоформленном винительном падеже обычно стоит перед глаголом, другие слова между ним и глаголом появляются очень редко. Существительное в исходном падеже, выражающее прямой объект, занимает позицию только перед глаголом» [Серээдар 2009: 190]. Тувинская исследовательница отмечает, что «существительное в исходном падеже в роли прямого объекта стоит непосредственно перед глаголом, и при этом выражает либо неопределённый объект, либо часть целого» [Серээдар 2009: 190]. В разных тюркских языках иной падеж у прямого дополнения может быть мотивирован разными факторами. В тувинском языке «выбор этого падежа определяется наклонением и временем глагола. Он употребляется, если глагол стоит в повелительном, условном, согласительном сослагательном наклонениях или в будущем времени изъявительного наклонения. Во всех этих случаях есть точка соприкосновения с планом будущего» [Серээдар 2009: 199]. Рассмотрим примеры из тувинского языка:

Оон мен хап киргеш, машина=дан эккел-гей мен (СС) – Потом я съезжу и могу привезти машину; пов. накл.

Соок шиме=ден чоогланар (КК, УХ, к, 66) – Выпейте прохладной араки (молочный продукт).

Однако в текстах памятников ДТРП примеров прямого дополнения в форме исходного падежа обнаружено не было. Тем не менее, возможно, это связано исключительно с особенностями письменно-литературного языка того времени.

4.2.2. Модели косвенного дополнения

Косвенное дополнение нередко определяется как «дополнение, в котором предметно-процессное отношение имеет более отдаленный, менее непосредственный характер» [Ахманова 1966: 141]. Предмет в этом случае связан с главным действием лишь частично, действие не охватывает его полностью, а затрагивает только какую-то его часть. В языке ДТРП косвенный объект выражается с помощью различных средств:

1. падежными формами субстантивных частей речи и глагольно-именных форм (дательным, местно-исходным, направительным, исходным, винительным);
2. посредством послелогов в составе словосочетаний;
3. местоимением с субстантивным значением;
4. именным словосочетанием (изафетом);
5. субстантивно-адъективной формой (САФ).

4.2.2.1. *Конструкция косвенного дополнения, выраженная различными падежными формами.*

Косвенное дополнение в дательном падеже

Дательный падеж выражает объект косвенного воздействия. В текстах ДТРП этот падеж имеет несколько различных смыслов, представляя объект:

1) к которому направлено действие:

96.

Er abqa barmis (İB 17)

Er   ab-qa   bar-mis

Мужчина   охота – DAT   идти – PST

‘Мужчина пошёл на охоту’

2) который непосредственно достигается действием:

97.

Tüpüt-kä kiçig tägmädim (Ktm 3)

Tüpüt-kä   kiçig   täg-mä-di-m

Тибет – DAT   немного   дойти – NEG-PST – 1SG

‘Я немножко не дошёл до Тибета’

3) в интересах которого совершается действие:

98.

Kemkâ ilig qazyanur men tir ermis (Ktb 9)

Kem-kâ   il-ig   qazyanur   men   tir   er-mis

Кто – DAT эль – ACCDEF добывать я сказать быть – PRF

‘«Для кого я добываю эль?» – сказал он’

4) от которого отделяется другой предмет:

99.

Üč jetmis jašimqa adiriltim egük qatun jerimkä adiriltim (E 4)

Üč jetmis jaš-īm-qa adiril-ti-m

Шестьдесят три лет – 1SG.POSS – DAT расстаться – PST – 1SG

egük qatun jer-im-kä adiril-ti-m

Эгюк-катун земля – 1SG.POSS – DAT расстаться – PST – 1SG

‘Когда мне было шестьдесят три года, я расстался [с этим миром], я расстался с моей землей Эгюк-катун’

5) по отношению к которому совершается действие:

100.

Eki oylīma jabyu šad at birtim (Mč 19)

Eki oyl-īm-a jabyu šad at

Два сын – 1SG.POSS – DAT ябгу шад имя – ACCIND

bir-ti-m

дать – PST – 1SG

‘Двум моим сыновьям я дал звания ябгу и шادا’

б) в качестве обстоятельства времени:

101.

Bäš jägirmi jašimda tabgač kanga bardim (E 9)

Bäš jägirmi jaš-īm-da tabgač

Пятнадцать лет – 1SG.POSS – LOC Китай

Kan-ga

bar-dī-m

император – DAT

идти – PST – 1SG

‘В мои пятнадцать лет я пошел к китайскому императору’

Косвенное дополнение в местно-исходном падеже

Местный-исходный падеж оформляет косвенное дополнение, которое в текстах рунических памятников выражает следующие контекстуальные смыслы:

1. Предмет является частью целого (партитивное значение) (Дубровина, 2011: 163):

102.

Jaraqinta jalmasinta jüz artuq oqun urti (Ktb 33)

Jaraq-ī-n-ta

Оружие – 3SG.POSS – EXCONS – LOCABL

jalma-sī-n-ta

Jüz artuq

плащ – 3SG.POSS – EXCONS – LOCABL

Сто более

oq-un ur-ti

стрела – 3SG.POSS бить – PST

‘В его оружие, в его плащ попало более ста стрел’

2. Предмет является объектом, от которого удаляются, избавляются, отходят, от которого что-нибудь отбирается, берётся, отчуждается, получается:

103.

Tabyačda adirilti (T2)

Tabyač-da adiril-ti

Табгач – LOCABL отделяться – PST

‘Он отделился от табгачей’

3. Предмет является объектом, с которым сравнивают, сопоставляют:

104.

Bizintä äki uçï siñarča artuq ärti (T40)

Biz-in-tä äki uç-ï siñar-ča

Мы –1PL. POSS – LOCABL два крыло – 3SG.POSS половина – ADV

artuq är-ti

больше быть – PST

‘По сравнению с нами их два крыла были наполовину многочисленнее’

Косвенное дополнение в направительном падеже

105.

Kītangaru Tuŋra Sämig ĭdmīš (T9)

Kītan-garu   Tuŋra   Sämig   ĭd-mīš

Кидан – DIR   Тунгра   Сема   направить – PRF

‘К Киданам направили Тунгра Сема’

Косвенное дополнение в исходном падеже

106.

Oγuzdantan kōrüg kelti (T 8)

Oγuz-dantan   kōrüg   kel-ti

Огуз – ABL   лазутчик   приехать – PST

‘От огузов пришёл лазутчик’

Косвенное дополнение в винительном падеже

Рассматриваемый падеж выражает в рунических текстах несколько узуальных смыслов [Дубровина 2011: 169–170]:

1. Предмет выступает в качестве орудия, средства осуществления действия:

107.

...sūŋigin ačdīmīz (T 28)

sūŋig-in   ač-dī-mīz

Копье – ACC   открыть – PST – 1 PL

‘Мы проложили [дорогу] копьями’

2. Предмет является объектом, совместно с которым совершается действие:

108.

Qağanımın sülätdimiz (T 53)

Qağan-ım-ın

sülä-t-di-miz

Каган – 1SG.POSS – ACC

воевать – CAUS – PST – 1PL

‘Мы вместе с моим каганом повели войско’

«Объектные отношения в тюркских языках формально схожи с пространственными отношениями» [Хабибуллина 2016: 100]. Для их разграничения следует обратить внимание на сказуемое в предложении. Так, если сказуемое выражается непереходным статичным глаголом, существительное в форме направительного падежа является косвенным объектом, в предложении выполняет роль косвенного дополнения; а если сказуемое передаётся непереходным динамичным глаголом, данное слово является обстоятельством места, складывается пространственное отношение.

a)

109.

Taŋrikä elimkä başda bagimkä bökmädim (E 3)

Taŋri-kä

el-im-kä

baş-da

Тенгри – DIR

народ – 1SG.POSS – DIR

голова – LOC

bag-im-kä

bök-mä-di-m

бек – 1SG.POSS – DIR

наслаждаться – NEG – PST – 1SG

‘Я не наслаждался своим правлением в качестве бека, [поставленного] во главе [для] моего божественного государства’ (перевод М.Э. Дубровиной) [Дубровина 2011: 155].

b)

110.

Basmıl jagıdır äbimrü bardı (Mç 28)

Basmıl   jagıd-ır   äb-im-rü   bar-dı

Басмыл   враг – CV   дом – 1SG.POSS – DIR   пойти – PST

‘Басмылы, став врагами, пошли [войной] на мой дом’

Простое словосочетание в древнетюркском языке представляет собой комбинацию двух знаменательных слов, сохраняющих свои номинативные значения. В современном тюркском языке при одном из членов простого словосочетания может находиться неопределенная частица **bir** ‘какой-то’, например: böyük bir ev (азерб.) ‘большой (какой-то) дом’. Здесь **bir** выступает в служебной функции показателя неопределенности и в этих сочетаниях не выполняет номинативной функции.

При анализе атрибутивных словосочетаний особое внимание следует уделить послелогам. Послелог, являясь служебной частью речи, не имеет знаменательного значения. Вследствие того, что послелог выражают синтаксические отношения, по своим функциям они близки к семантике падежных форм.

А. Н. Кононов по характеру связи между действием и объектом выделил 3 типа дополнений: прямое, косвенное и относительное (послеложное) дополнение [Кононов 1980: 224]. При падежном управлении падеж зависит от семантики

глагола, при послеложном управлении глаголом определяется послелог, а послелогом – падеж.

4.2.2.2. *Дополнительные модели также могут быть выражены конструкциями с послеложными словами **birlä, tapa, saju, ötrü**.*

Послелог **birlä** ‘сообща’, ‘вместе’, сочетаясь с именем существительным в основном падеже, передает комитативное значение, т.е. значение сопровождения, совместимости, соучастия:

111.

Äčim kağan birlä ilqärü Jašıl ügüz Šantun jazıka täqi sülädimiz (Ktb 17)

Äč-im	kağan	birlä	ilqärü
Дядя – 1SG.POSS	каган	вместе	вперед

Jašıl ügüz	Šantun	jazıka	täqi	sülä-di-miz
Яшиль река	Шантунг	равнина	до	ходить – PST – 1PL.POSS

‘С моим дядей-каганом мы ходили войною вперёд вплоть до реки Яшиль, до Шантунгской равнины’.

Общее комитативное значение, в зависимости от реального значения управляемого послелогом имени, приобретает дополнительные семантические оттенки – участие предмета, обозначенного этим существительным, в качестве субъекта и объекта действия [Кононов 1980: 202]:

112.

Čača seņün sekiz tümen birlä sünüsdim (M 26)

Čača seŋün   sekiz tümen   birlä   sünüs-di-m
 Чача сенгун   восемь тюмен   с   сражаться – PST–1SG.POSS

‘Я сразился с восьмитюменным [войском] Чача-сенгуна’

Дополнение «Čača seŋün sekiz tümen» выражено словосочетанием.

Послелог **tapa** употребляется в текстах в значении «против»:

113.

Äki otuz jašima tabyač tapa sülädim (M25-26)

Äki   otuz   jaš-im-a   tabyač   tapa
 Два   тридцать   лет – 1SG.POSS-DAT   табгач   против
 sülä-di-m

нападать – PST – 1SG

‘На двадцать втором году я пошел против табгачей’

Послелог **saju** обозначает действие, распространяющееся на весь предмет целиком, и управляет основным и винительном падежами:

114.

Jir saju bardiy (Ktm 9)

Jir   saju   bar-dī-γ
 Земля   все   ходить – PST – 1PL

‘Мы ходили по всей земле / по всем землям’

Послелог **ötrü** сочетается со словом в форме местно-исходного падежа и служит для обозначения следования одного события, факта, действия после другого («потом, затем, после») [Кононов 1980: 205].

115.

Anta ötrü qaγanīma ötüntüm (T 12)

Anta ötrü qaγan-īm-a

ötün-tü-m

там из-за каган – 1SG.POSS –DAT

обратиться – PST – 1SG

‘После этого я обратился с просьбой к моему кагану’

4.2.2.3. Косвенное дополнение также может быть выражено местоимением с субстантивным значением.

1. Личные местоимения в функции косвенного дополнения

116.

Kop maγa körür (Ktm2)

Kop

maγa

kör-ür

Все

я – DAT

подчиняться – PRS

‘Все подвластны мне’

2. Вопросительное местоимение в функции косвенного дополнения

117.

Kemkä ilig qazyanur men tir ermis (Ktb 11)

Kem-kä

il-ig

qazyanur

men

Кто – DAT

эль – ACC

приобретать

PERSAFF 1SG

ti-r

ermis

сказать – PST   быть – PRF

‘«Для кого я приобретал эль?» – он сказал’

4.2.2.4. *Косвенное дополнение может быть выражено именным словосочетанием (изафетом).*

118.

Türk bodunın ilin törüsün tuta birmis (Ktb1)

Türk   bodun-ın   il-in   törü-sin

Тюрк   народ – GEN   племя – 3SG.POSS   закон – 3SG.POSS

tuta   bir-mis

поддерживать – CV

‘Поддерживали племенной союз и установления тюркского народа’

4.2.2.5. *Косвенное дополнение может быть выражено субстантивно-адъективной формой (САФ).*

В. Г. Гузев в рамках своей концепции, сложившейся на материале тюркских языков, выделяет в составе категории номинализации действия, наряду с причастиями, деепричастиями и именами действия, ещё одну разновидность формы. Эта форма способна окказионально представлять действие как в виде признака, так и в виде предмета [Гузев 1976: 61].

САФ -duq в функции развернутого прямого дополнения

119.

Tapladiqimın tutar men, sebdükimin jījür men (İB 4-5)

Tapla-diq-im-in	tutar	men
Одобрять – SAF – 1SG.POSS – ACCDEF	ловить	PERSAFF 1SG
Seb-dük-im-in	jījür	men
Любить – SAF – 1SG.POSS – ACCDEF	есть	PERSAFF 1SG

‘Я ловлю то, что мне нравится, я ем то, что я люблю’

В этом примере действующее лицо (субъект действия) обозначается с помощью аффиксов принадлежности.

В исследовании языка ДТРП мы выяснили, что в древнетюркском языке дополнения делятся на два основных типа: прямое и косвенное. Прямое дополнение, которое оформлено винительным падежом, представлено девятью конструкциями, а дополнение, оформленное не винительным падежом – четырьмя конструкциями. Косвенное дополнение выражается с помощью падежных форм и посредством послелогов в составе словосочетаний.

По употреблению аффиксов винительного падежа прямое дополнение можно разделить на два вида: определённый и неопределённый. Определённый прямой объект в текстах рунических памятников может выражаться существительным в винительном падеже, а неопределённый прямой объект – существительным в неопределённом винительном падеже, т.е. без аффиксов.

Определённый прямой объект в текстах рунических памятников может выражаться любым словом или словоформой, несущей предметную семантику:

существительным в винительном падеже, местоимением, локативным прилагательным, субстантивированной частью речи, а также изафетным словосочетанием.

Имя существительное, оформленное показателем винительного падежа, обозначает определенный объект и оформляет прямое дополнение в следующих случаях:

- 1) Объект логически определён, т.е. как-то индивидуализирован, выделен из общей массы однородных предметов.
- 2) При необходимости сохранения смысла предложения.
- 3) Прямое дополнение содержит топоним.
- 4) Прямое дополнение является этнонимом.
- 5) Прямое дополнение представляет собой словоформу имени существительного с аффиксом принадлежности 3-го лица.
- 6) Прямое дополнение выражено указательным местоимением.
- 7) Прямое дополнение выражен субстантивированной частью речи.
- 8) Прямое дополнение выражено изафетным словосочетанием, передающим отношение принадлежности.

Анализ фактического материала ДТРП также показал, что имя существительное в роли прилегающего дополнения без аффикса винительного падежа часто представляет неопределенный объект. В текстах памятников зачастую прилегающее прямое дополнение употребляется в неопределенном винительном падеже. Это происходит, когда объект, на который распространяется действие переходного глагола, не выделен из однородных предметов и представляет собой

совокупное множество предметов, т.е. имя существительное берется в его собирательном значении.

В языке ДТРП косвенный объект выражается с помощью различных падежных форм, посредством послелогов в составе словосочетаний, местоимением с субстантивным значением, именным словосочетанием (изафетом), субстантивно-адъективной формой.

4.3. Обстоятельственные модели

Обстоятельственная синтаксическая форма – разновидность атрибутивной формы, которая состоит из обстоятельного уточняемого и обстоятельства. В.Г. Гузев отмечает, что «значение этой формы сигнализирует о том, что какое-либо явление (чаще всего действие) связано с другим сопутствующим ему и тем самым каким-либо образом характеризующим, уточняющим его явлением» [Гузев 2015: 288].

Обстоятельство также можно рассматривать как уточнение характера называемого действия или процесса [Мельников 1969: 107].

Обстоятельства, как и другие синтаксические категории, образованы единством грамматической формы и грамматического значения.

Основными в определении категории обстоятельства являются следующие признаки:

- 1) грамматические значения слов в предложении;

- 2) морфологические средства выражения членов предложения;
- 3) характер синтаксической связи слов;
- 4) лексические значения поясняющих и поясняемых членов предложения [Апресян 1974].

В языке древнетюркских рунических памятников доля синтаксических моделей, компоненты которых связаны обстоятельственными отношениями, значительно выше, чем моделей с другими типами синтаксических связей. Это обусловлено, во-первых, большей вариативностью обстоятельственных значений (обстоятельство времени, причины, цели и т.д.), во-вторых, особенностями функционирования.

Ключевым в отграничении обстоятельств от дополнений в качестве синтаксических компонентов речевого высказывания является их значение.

Обстоятельственные отношения являются сложными и многоплановыми. В языкознании установлены следующие логико-смысловые значения, традиционно относящиеся к обстоятельным: семантика места, времени, цели, причины, образа (характера), меры, направления, степени совершения действия, условия. В субстантивных обстоятельственных конструкциях в функции уточняющего компонента преимущественно употребляются наречия. Однако морфологической базой для построения обстоятельства, кроме наречий, могут также являться имена прилагательные и числительные. Помимо этого, и имена существительные, обозначающие определенный отрезок времени, также, не меняя своей формы, могут функционировать как обстоятельство времени. Некоторые имена существительные в дательном, местном и исходном падежах также используются для передачи признака действия.

Различаются следующие виды обстоятельственных синтаксических конструкций:

1. Модели обстоятельства образа действия;
2. Модели обстоятельства места;
3. Модели обстоятельства времени;
4. Модели обстоятельства цели;
5. Модели обстоятельства причины;
6. Модели обстоятельства меры и степени;
7. Модели обстоятельства условия.

4.3.1. Модели обстоятельства образа действия

Обстоятельство образа действия выражает качественную характеристику действия, способ совершения действия, признаки действия, сопутствующие поясняемому действию, объект, с которым сравнивается действие. Обстоятельство образа действия показывает, как, в каких условиях, каким образом совершаются действия. В текстах рунических памятников оно выражается разными способами.

1. Обстоятельство образа действия выражается наречием:

120.

Ädgüti äsid katïydï tïŋla (KTm2)

Ädgüti

äsid

katïydï

tïŋla

Хорошенько   слушать   крепко   внимать

‘Хорошенько слушайте, и крепко (ей) внимайте!’

2. *Обстоятельство образа действия выражается именем прилагательным:*

121.

Jalḥusīn jorījur (İB 59)

Jalḥusīn   jorī-jur

Одинокий   кочевать -PRS

‘Он кочует в одиночестве’

3. *Обстоятельство образа действия выражается деепричастиями:*

3.1. *Обстоятельство образа действия выражается деепричастием с показателем -(y)A:*

122.

At üzä bintürä, qarıy sökdim (T25)

At   üzä   bin-tür-ä   qarıy sök-di-m

Лошадь   на   посадить – İMP – CV   снег   прокладывать – PST – 1SG

‘Посадив (воинов) на коней, я проложил (дорогу) по снегу’

3.2. *Обстоятельство образа действия выражается деепричастием с показателем -(y)İ:*

Деепричастие -(y)İ обозначает образ совершения действия, протекающего, главным образом, одновременно с действием глагола-сказуемого.

123.

Käjik jījü, tabısyn jījü, olurur ärtimiz (T8)

Käjik	ji-jü	tabısyn	ji-jü
Олень	поедать – CV	заяц	поедать – CV

olur-ur	är-ti-miz

оседать – PTCP	быть – PST – 1PL

‘Мы жили [там], питаюсь оленями, питаюсь зайцами’

3.3. *Обстоятельство образа действия выражается деепричастием -(y)İp:*

124.

Tirilip jätmis är bolmıs (Ktb12)

Tiril - ip	jätmis	är	bol-mıs
Собираться – CV	семьдесят	воин	становиться – PRF

‘Собравшись, составили (отряд в) семьдесят мужей’

4. *Обстоятельство образа действия выражается именем существительным в эктативном падеже -čü:*

125.

Örtčä qızıp kälti (T40)

Ört-čä	qız-İp	käl-ti
Пожар – EKV	пламенеть – CV	приходить – PST

‘Они пришли, пламеня, как огонь’

Если в высказывании представлено несколько обстоятельственных членов предложения, то употребление их относительно сказуемого-уточняемого обусловлено их семантической значимостью. Непосредственно перед сказуемым или максимально близко к нему употребляются те обстоятельственные компоненты, которые конкретизируют основное действие более детально, обстоятельства же общего характера отстоят от сказуемого и выносятся ближе к началу высказывания.

5. *Обстоятельство образа действия выражается винительными падежами:*

126.

Jalḡusīn jorījur (ЇВ 59)

Jalḡus-īn   jorī-jur

Один – ACC   ходить – PRS

‘Он кочует в одиночестве’

6. *Обстоятельство образа действия выражается послеложными конструкциями **täq, birlä:***

127.

Kaḡīm kaḡan süsi böri täq ärmis, jaḡīsī koñ täq ärmis (Ktb12)

Kaḡ-īm   kaḡan   sü-si   böri   täq   ärmis

Каган – 1SG.POSS каган   войско – 3SG.POSS волк   подобно   быть

jaḡī-sī   koñ   täq   ärmis

враг – 1SG.POSS   овца   подобны   быть

‘Войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам’

128.

Oğuz bodun tokuz-tatar birlä tirilip kälti (BK 34)

Oğuz bodun   tokuz   tatar   birlä

Огуз народ   девять   татар   вместе

tiril-ip   käl-ti

оживать – CV   приходить – PST

‘Народ огузов, объединившись с токуз-татарами, подступил’

4.3.2. Модели обстоятельства места

Как известно, любое явление, событие или процесс имеет пространственные характеристики, поскольку человек не может существовать вне пространства. Обстоятельственные отношения пространственного плана содержатся в семантической структуре многих высказываний, указывая на протекание, осуществление событий в пределах какого-то пространства и обладают большей конкретностью в отличие от других видов обстоятельственных отношений.

Л. Г. Валиева, связывая пространственные отношения с философией, пишет: «По философской трактовке, пространство есть форма бытия материи. В языковой структуре понятие пространства, как правило, отражается в виде обозначения места, в пределах которого совершается действие» [Валиева 2014: 61].

Категория пространства исследователями рассматривается как функционально-семантическое поле, охватывающее разноуровневые средства данного языка, участвующие в выражении пространственных отношений [Невская 2005: 10].

Пространственные элементы языка составляют одну из важнейших функционально-семантических систем, включающую в себя разнообразные лексические, морфологические, синтаксические средства.

В представленной работе ведется исследование разноуровневых средств выражения пространственных отношений в языке ДТРП. Для этой цели были выявлены типы пространственных отношений, передаваемых грамматикализованными средствами тюркских языков, дано описание семантического поля «пространственности», семантики и структуры послеложно-падежных сочетаний, падежей с локативной семантикой, а также других морфологических элементов, способных выражать значение пространства. Кроме того, были подвергнуты анализу подсистемы, языковая специализация которых направлена на выражение тех или иных типов пространственных отношений. В ходе исследования были даны структурно-семантические описания пространственных синтаксических конструкций, которые выражают отношения пространственной локализации предметов и событий, и изучена их внутренняя структура и семантика.

В тюркологии изучению категории пространства посвящены исследования И. А. Невской [2005], А. Н. Чугунековой [2019] и др., которые в основном рассматривают план выражения данной категории.

Обстоятельство места обозначает место совершения действия или проявления признака. В языках мира для выражения пространственных отношений используется широкий спектр формальных средств от чисто грамматических до

лексических. Все они в комплексе участвуют в выражении пространственных отношений.

В древнетюркских текстах пространственные отношения выражаются с помощью лексических, морфологических и синтаксических средств.

Пространственную семантику в тюркских языках содержат словоформы местного-исходного, направительного и исходного падежа, конструкции с послеложными словами, которые указывают на местонахождение или пункты перемещения предметов и явлений, наречия. В текстах рунических памятников обстоятельство места может быть выражено следующими моделями.

4.3.2.1. Обстоятельство места выражено именем существительным.

Именем существительным в форме местно-исходного падежа:

129.

Ötükän jışda jig idi jok ärmis (KTm 4)

Ötükän   jış-da   jig   idi   jok   är-mis

Отюкэнская   чернь – LOCABL   владыка   было   не   быть – PRF

‘В Отюкэнской черни не было хорошего (т.е. настоящего) владыки’

Именем существительным в форме направительного падежа:

130.

Tämir kapıya täqi sülädim (KTm 4)

Tämir   kapı-ya   täqi   sülä-di-m

Темир   капы – DIR   до   вести войско – PST–1SG

‘Я прошел с войском вплоть до Темир-капыга’

В этом примере **Tämür kapıya täqi** – обстоятельство места, которое выражено первым изафетом в направительном падеже с послелогом **tägi**.

Именем существительным в форме исходного падежа:

131.

Öñdän qaγanγaru sü jorīlīm (T29)

Öñ-dän   qaγan-γaru   sü   jorī-līm

Восток – ABL   каган – DIR   войско   отправить – 1PL. IMP

‘Отправим войско на кагана с востока’

Исходный падеж здесь использован в обстоятельственно-определятельной функции: «восточный каган», «каган с востока».

Таким образом, в древнетюркском языке при выражении пространственных отношений участвуют три падежа. Местный-исходный падеж служит для выражения местонахождения в физическом или социальном пространстве. Направительный падеж служит для установления направления (без достижения точки ориентира) куда-либо в пространстве. Значение установления места, которое покидается или из которого изымается что-либо, обслуживается исходным падежом.

4.3.2.2. Обстоятельство места выражено с помощью послеложных конструкций.

Конструкции с послеложными словами в древнетюркском языке содержат в себе пространственную семантику. Послелогии могут указывать на местонахождение, направление или пункт перемещения предметов.

Как отмечает И.А. Невская, «В качестве классификационного признака таких послелогов традиционно закладывается тип падежного управления именем пространства» [Невская 2005: 121]. По этому признаку послелогов древнетюркского языка подразделяются на послелогов, управляющие основным, винительным, дательным, направительным и исходным падежами.

К пространственным послелогам относятся: **tägi, öŋrä, ičrä, ičintä, ara, qodī, saju, tара.**

Послелог **tägi**, управляющий дательным падежом, показывает направление действия, обозначает предел во времени и пространстве [Кононов 1980: 205].

132.

İlgärü Šantun jazıka tägi sülädim (Ktm3)

İlgärü   Šantun   jazı-ka   tägi

Вперед   Шантунская   равнина – DAT   до

sülä-di-m

вести войско – PST – 1SG

‘Вперед (т.е. на восток) я прошел с войском вплоть до Шантунской равнины’.

В этом примере обстоятельственное уточнение, кроме значения «направления», ещё содержит значение «времени» (**İlgärü, birgärü**) и «места» (**Šantun jazıka**).

Послелог **öŋrä** переводится «спереди, раньше, прежде» (ДТС 387) и служит для обозначения временных, пространственных отношений:

133.

Özimin öŋrä biŋa bašit i(d)tī (Mč6)

Özimin   öŋrä   biŋ-a   bašit   i(d)-tī

Меня вперед – POST тысяча –DATLOC начальник послать – PST

‘Он послал меня самого вперед начальником тысячи’

Послелог **ičră** в древнетюркских рунических памятниках встречается крайне редко и обозначает пространственные отношения. Переводится **ič** «внутренность» + **-ră** - аффикс дательного-направительного падежа.

134.

Sayır içră älik kijik kirmiř (İB 97)

Sayır içră älik kijik kir-miř

Загон в самка олень войти – PRF

‘В загон вошли самки серны’

В древнетюркских рунических памятниках крайне редко встречается **ičintă**, и этот послелог обозначает пространственные отношения:

135.

Ben öltim türgiř el içintă (E 37, 3)

Ben öl-ti-m türgiř el içintă

Я умереть – PST – 1SG тургеш племенной союз в

‘Я умер в тургешском племенном союзе’

Послелог **ara**, управляющий основным и винительным падежами:

136.

Oğuz ara jăti ārăn jayı bolmıs (O 5)

Oğuz ara jăti ārăn jayı bol-mıs

Огуз среди семь мужчина враг быть – PRF

‘Среди бегов огузов семь мужей (предводителей) были врагами’

Послелог **ara**, управляющий именем числительным:

137.

Äkin ara kisi oylï kïlinmïs (Ktb1)

Äki-n ara kisi oyl-ï kïlin-mïs

Два – ACC между человек сын –3SG. POSS возникать – PST

‘Между (ними) обоими были сотворены (или: возникли) сыны человеческие (т.е. люди)’

Послелог **qodï** служит для обозначения пространственных отношений. Эта лексема также имеет самостоятельное значение ‘пройденный путь’ [Кононов 1980: 202]. Мало использован в древнетюркских рунических памятниках.

138.

Ol sub qodï bardimïz (T27)

Ol sub qodï bar-dï-mïz

Это река течение ходить – PST – 1PL

‘Мы шли вниз по течению этой реки’.

В этом примере послелог **qodï** управляет основным падежом. В следующем примере тот же послелог управляет исходным падежом:

139.

Toyan quş täñridin qodï tabiřyan tipän qarpmiř (İB 66)

Toyan quş täñri-din qodï tabiřyan

Сокол птица небо – ABL вниз заяц

tirān qar-miš

живой схватить – PRF

‘Сокол (устремясь) вниз с неба, схватил зайца’.

Послелог **saju** обозначает действие, распространяющееся на весь предмет целиком; он управляется основным и винительным падежами [Кононов 1980: 202]. Мало использован в ДТРИ.

140.

Jir saju bardīy (Ktm9)

Jir saju bar-dī-y

Страна всем бродить – PST – 2SG

‘Бродили по всем странам’

141.

Otuz yašima bāš balīk tapa sülādim (BK 28)

Otuz yaš-īm-a bāš balīk tapa

Тридцать лет – 1SG.POSS.DİR беш балык к

sülā-di-m

вести войско – PST – 1SG

‘На тридцать лет я пошел против Беш-балыка’

4.3.2.3. *Обстоятельство места выражается наречием.*

Значительную часть лексики с пространственной семантикой в современном тюркском языке занимают наречия. Но в языке памятников наречие находится в

состоянии становления, и еще не оформилось как отдельная лексическая категория. В.М. Насилов отмечает, что «большинство наречий представляет собой теряющие или потерявшие аффиксальную продуктивность падежные формы имен, а также деепричастные формы глагола» [Насилов 1960: 39-40].

Как правило, наречия места выражают языковое пространство в его основных измерениях. Наречия, принимая падежные аффиксы, могут выступать в роли обстоятельства места.

Наречие в направительном падеже:

142.

Jeti ašnuqı išim tašru etilti (E 41, 2)

Jeti ašnuqı iš-im taš-ru et-il-ti

Семь прежний дело –1SG.POSS за пределами –DIR делать – CAUS – PST

‘Семь первых моих дело были совершены за пределами [моей юрты]’

По мнению А. Н. Кононова, наречие **taš** «наружная, внешняя сторона» употреблено в направительном падеже [Кононов 1980: 137].

Наречие в исходном падеже:

143.

Öñdän qaγanγaru sü jorilim temis (T29)

Öñ-dän qaγan-γaru sü jorilim te-mis

Спереди – ABL каган – DIR войско пойти – IMP сказать – PST

‘Он сказал: «Пойдем-ка с войском на (враждебного) кагана спереди (с востока)»’

4.3.2.4. *Обстоятельство места выражается именным словосочетанием:*

144.

Türk sir budun jārıntä idi jorımazun (T11)

Türk sir budun jār-i-ntä

Тюрк сир народ место – 3SG.POSS – LOCABL

idi jorī-mazun

хозяин ходить-NEG

‘Да не распоряжается в земле тюрков-сиров’

4.3.2.5. *Обстоятельство места выражается вопросительными местоимениями.*

В современных тюркских языках выражение обстоятельства места с вопросительным местоимением – частое явление. В языке же памятников это явление очень редко, однако в нем оно тоже встречается.

145.

Kaganlıy budun ärtim, kağanım kanı (Ktb9)

Kagan-lıy budun är-ti-m kağan-ım kanı

Каган-DERAFf народ быть – PST – 1SG каган–1SG.POSS где

‘Я был народом, имевшим кагана, где мой каган’

4.3.3 Модели обстоятельства времени

Время, наряду с пространством, считается всеобщей формой бытия материи, которая выражает длительность ее существования, последовательность смены

состояний в изменении и развитии всех материальных систем и процессов в мире [Валиева 2014: 63].

Темпоральные отношения выполняют важную роль в построении высказывания, принимая участие в образовании событийности синтаксического целого. Обстоятельственные отношения темпорального плана содержатся в семантической структуре многих предложений, указывая на протекание, осуществление событий в пределах какого-то времени.

Обстоятельство времени – это второстепенный компонент высказывания (член предложения), который указывает на то, когда совершается и сколько времени продолжается действие, выраженное сказуемым [Ширалиев, Севортян, 1971: 298], другими словами, обстоятельство времени уточняет уточняемое действие по времени его протекания.

146.

Tün udīsīqīm kālmādi (T12)

Tün   udīsīq-īm   kāl-mā-di

Ночь   сон –1SG.POSS   приходить – NEG – PST

‘Ночью не приходил мой сон’

4.3.3.1. Обстоятельства времени выражаются именами существительными в различных падежах.

Обстоятельственные уточнения выражены именами существительными в дательном падеже (или именными словосочетаниями в д. п.):

147.

Ančip bars jilka čik tapa joriđim (MČ19)

Ančip   bars   jil-ka   čik   tapa   jori-dī-m

Так тигр год – DAT чик к – POST ходить – PST – 1SG

‘После этого в год тигра я пошел в поход против чиков’

148.

Bir jılka biş jol sünüşdimiz (Ktb44)

Bir jıl-ka biş jol sünüş-di-miz

Один год – DAT пять раз сражаться – PST – 1 PL

‘В один год мы сражались пять раз’

Определенный момент протекания действия выражается формой инструментального надежа.

149.

Ančip ol jıl küzün ilgärü joridim (Mč 20)

Ančip ol jıl küz-ün il-gärü jorī-dī-m

Так тот год осень – INST восток – CV ходить – PST – 1SG

‘После этого, в тот же год осенью, я продвинулся на восток’

4.3.3.2. Обстоятельства времени выражаются именными словосочетаниями:

150.

Toŋra tigin joıınta, äqirip ölürtimiz (Ktb47)

Toŋra tigin joı-ı-nta

Тонга тегин похорон – 3SG.POSS – LOCABL

äqir-ip ölü-ri-miz

преследовать – CV   убить – PST – 1PL

‘Мы убили преследуя, на похоронах Тонга-тегина’

4.3.3.3. Обстоятельства времени выражаются формой имени числительного, порядкового числительного и имени числительного в сочетании с послелогом:

151.

On uɟur tokuz oɟuz üzä jüz jil olurup (Mč3)

On   uɟur   tokuz   oɟuz üzä   jüz   jil   olur-up

Он   уйгур   токуз   огуз над   сто   лет   властвовать – CV

‘Властвуя над он-уйгурами и токуз-огузами сто лет’

152.

Törtinč Äzqänti Kadazda söñüştim (BK 31)

Törtinč   Äzqänti   Kadaz-da   söñüş-ti-m

Четвертый   Эзгенти   Кадаз – LOCABL   сражаться – PST – 1SG

‘В четвертый раз я сразился при Эзгенти Кадазе’

153.

Äbi on kün öñrä ürküp barmiš (Mč 31)

Äb-i   on   kün   öñrä   ürk-üp   bar-miš

дом –3SG.POSS   десять   день за   испугать – CV   бежать – PRF

‘Его семейство за десять дней до того, испугавшись бежало’

В этом примере **on kün ögrä** «за десять дней» – обстоятельство времени, а **ürküp** «испугавшись» – обстоятельство образа действия.

4.3.3.4. Обстоятельство времени выражается местоимением.

154.

Каған at bunta biz birtimiz (Krb20)

Каған at bunta biz bir-ti-miz

Каган имя – Ø то время – PRON мы дать – PST – 1PL

‘Мы в то время дали (ему) титул кагана’

4.3.3.5. Обстоятельство времени выражаются деепричастием.

Начало времени действия выражается деепричастием. В материале памятников форма **-yalı** обозначает обстоятельство времени с семантикой отправной точки начала действия («с тех пор, как...»):

155.

Türk bodun oluryalı türk qağan oluryalı santuñ balıq(q)a taluj üzügkä tegmis joq ermis (T18)

Türk bodun olur-yalı türk qağan olur-yalı

Тюркский народ сидеть – CV тюрк каган сидеть – CV

santuñ balıq(q)-a taluj üzüg-kä teg-mis

Шантун город – DAT море река –DAT достигать – PRF

Joq er-mis

Нет быть – PRF

‘Тюркский народ и тюркский каган для (дальнейшего) обитания (завоеывая) не дошел до город(ов) Шантунга и до морской реки’

Действия, предшествующее основному действию, выражается деепричастием –

ip:

156.

Tipilip jätmis är bolmīs (Ktb12)

Tipil-ip jätmis är bol-mīs

собрать – CV семьдесят человек составить – PRF

‘Собравшись составили семьдесят мужей’

При отношении одновременности действия они происходят в пределах одного и того же временного отрезка.

4.3.3.6. Конструкция -da küsrü обозначает следование одного действия за другим; конструкция указывает на то, что момент окончания действия-обстоятельства является началом совершения основного действия:

157.

O1 kan jok boltukda käsrä äl jitmis (O1)

O1 kan jok bol-tukda käsrä äl jit-mis

Это хан не стать – PTCP затем – POST народ погибать – PRF

‘Затем, когда этого хана не стало, народ (наш) погиб’

4.3.3.7. *Обстоятельство времени выражается словами, которые передают временное значение. Например, kičä, küntüz, tün, amtī и т.д.*

158.

Jarīn kičä altun örgin üzä olurpan mäniläjür män (İB 1)

Jarīn   kičä   altun   örgin   üzä

Утром   вечером   золотой   престол   над Olur-

pan   mänilä-jür   män

Сидеть – CV   радоваться – PRS   PERSAFF.1SG

‘Утром и вечером сидя на золотом престоле, я радуюсь’

159.

Tün udīmatī küntüz olurmatī (T 51-52)

Tün   udī-ma-tī   küntüz   olur-ma-tī

Ночь   спать – NEG – PST   день   сидеть – NEG – PST

‘Я не спал по ночам, не имея покоя днем’

160.

Ol amtī anīj jok (KTm3)

Ol   amtī   anīj   jok

Он   сейчас   порча   нет

‘У них нет теперешней порчи’

4.3.3.8. *Обстоятельство времени выражается наречиями **bāṅgü** ‘вечный’, **taqī** ‘еще’:*

161.

Ötükän jış olursar bāṅgü il tuta olurtaçī san (Ktm8)

Ötükän	jış	olur-sar	bāṅgü
Отюкэн	черни	остаться – COND	вечный
il	tut-a	olur-taçī	san
племя	держать – CV	сидеть – PTCP	2SG. PERSAFF

‘Когда ты остаешься в Отюкэнской черни, ты можешь жить, созидавая свой вечный племенной союз’

162.

Tanı̄m tüsi taqī tükämäzkän, taluı̄da jatıpan, tapladuqimın tutar män (İB 4)

Tanı̄m	tü-si	taqī	tükä-mäz-kän
Тело – 1SG.POSS	плоды – 3SG.POSS	еще	истощаться – NEG – CON
Taluı̄-da	jat-ıpan	tapla-duq-ım-ın	
Море – DATABL	находиться – CV	любить – PTCP	– 1SG.POSS – GEN
Tut-ar	män		
Ловить – PTCP	1SG. PERSAFF		

‘Добыча для моего тела совсем не истощится. Находясь на море, я ловлю нравящееся мне’

В тюркских языках временные отношения выражают одновременность и разновременность действия, процессов. При отношении разновременности одно действие предшествует другому. Предшествующее действие прекращается до начала последующего. При этом процесс или завершается естественным путем, или прекращается под воздействием какого-либо другого события.

При непрерываемом предшествовании один процесс следует за другим после его естественного завершения. При этом одна ситуация может следовать непосредственно за другой без временного интервала, либо спустя некоторое время.

4.3.4. Модели обстоятельства цели

По определению А.Г. Пазельской и А.Б. Шлуинского, общее значение обстоятельственных предложений цели состоит в том, что «ситуация, описываемая зависимой предикацией, осуществляется с целью вызвать наступление ситуации, описываемой главной предикацией» [Пазельская, Шлуинский 2007: 74]. В сравнении с современными тюркскими языками в языке древнетюркских рунических памятников обстоятельство цели употребляются сравнительно редко и отличаются по способу выражения [Рэсэбли 2006: 160].

Обстоятельство цели в языке ДТРП может быть выражено различными средствами: деепричастиями с показателями -GAlĭ; -A; -Ī; -U, именными частями речи в сочетании с послелогом **üčün** 'для'.

4.3.4.1. *Деепричастие с показателем -yalĭ, -gäli представляет действие в виде обстоятельства цели [Кондратьев 1970: 43].*

Ученые отмечают, что рассматриваемое деепричастие получило более широкое употребление уже в древнеуйгурских памятниках (Кононов 1980: 28; Насилов В.М. 1963: 51).

163.

Öd täñri jasar kisi oylı kor ölgäli törümis (Ktb50)

öd	täñri	jas-ar	kisi	oyl-ı
время	небо	распределять – FUT	человек	сын–3SG.POSS
кор	öl-gäli		törü-mis	
много	умереть – CV		рожать – PRF	

‘Время (т. е. судьбы, сроки) распределяет небо (т. е. Бог), (но, так или иначе) сыны человеческие рождены, чтобы умереть’

В языке ДТРП глагольно-именная форма с показателем **-GAlı**, как это нередко бывает именно с подобными формами, представляет собой полифункциональную форму и способна употребляться в двух функциях – субстантивной и обстоятельственной. Как обстоятельственная форма – форма деепричастия – она предназначена для указания на цель какого-либо действия; в субстантивной функции, как имя действия, форма **-Gäli** также передает цель действия, выраженного сказуемым предложения. Именно такое функционирование стало основанием для отождествления этой формы с латинским супином [Кононов 1980: 28], [Erdal 2004: 489]. Однако по определению О. С. Ахмановой, супин – это вид отглагольного существительного, выступающего в функции, близкой к инфинитиву со значением цели [Ахманова 1966: 462]. Близкую позицию занимает А. Ч. Козаржевский: «Supininium – это отглагольное существительное, выражающее цель при глаголах, связанных с понятием движения: Veni tibi gratulatum. Я пришел тебя поздравить»

[Козаржевский 1981: 60]. Тем не менее, едва ли оправданно именовать супином древнетюркскую форму **-Galï**, учитывая ее более широкое, чем у отглагольного существительного, функционирование, а также способность выступать в высказывании в качестве обстоятельства.

Деепричастия **-(y)A**, **-(y)ï**, **-(y)U** следует рассматривать в качестве фонетических вариантов одной морфологической формы. Эта форма представляет в виде обстоятельства как предшествующее действие, так и одновременно протекающее [Кондратьев 1970: 42]. Она способна иметь семантику обстоятельства времени, цели, причины и образа действия [Кононов 1980: 131].

164.

Üč oγuz süsi basa kälti (BK32)

Üč oγuz sü-si bas-a käl-ti

Уч огуз войско – 3SG.POSS подавлять – CV приходить – PST

‘Войско Уч-огузов пришло, чтобы нас поразить’

165.

Bars kijik äñläjü mänläjü barmiš (İB 74)

Bars kijik äñlä-jü mänlä-jü

Барс олень охотиться – CV искать добычу – CV

Bar-miš

Отправиться – PRF

‘Барс-зверь отправился на охоту за добычей’

В языке ДТРП одни и те же языковые средства имеют возможность передавать разные обстоятельственные смыслы: как семантику обстоятельства цели, так и семантику обстоятельства причины. Тем не менее речевая дистрибуция позволяет различать эти смыслы. Так, если деепричастие передает действие, совершенное до времени совершения основного действия, то выражается обстоятельство причины. Если же форма деепричастия представляет действие, которое будет совершено после основного действия, то передается обстоятельство цели. Например, в языке древнетюркских памятников форма с показателем **-ĭn** также способна употребляться так для выражения обстоятельства цели, как и обстоятельства причины.

С семантической точки зрения противопоставление цели и причины вполне оправданно: фактором различения выступает временной план, к которому относится ситуация.

166.

Türk budunïy atı küsi jok bolmazun tijin, Kañim kayanïy, öqim katunïy kötürmiş täñri
(Ktb 25)

Türk	budun- ĩy	at-ĭ	kü-si
Тюрк	народ – GEN	имя – 3SG.POSS	слава – 3SG.POSS
jok	bol-maz-un	ti-jin	
Не	пропасть – NEG	чтобы – CV	
kañ-ĭm	kayan-ĭy	öq-ĭm	
отец – 1SG.POSS	каган – ACC DEF	мать – 3SG.POSS	
katun-ĭy	kötür-miš	täñri	

катун – ACCDEF   возвысить – PRF   небо

‘Небо, которое возвысило моего отца-кагана и мою мать-катун, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа’

Приведенный пример иллюстрирует факт употребления деепричастия, которое указывает на действие, совершенное до времени, обозначенного в сказуемом, для выражения обстоятельства причины. В следующем же примере действие деепричастия совершается после совершения основного действия; соответственно, оно выражает семантику цели.

167.

Budunïy iqtäjın tijın, jırγaru oγuz budun täpā ... sünüşdim (Ktb 28)

Budun-ïy   iqt-äjın   tij-in

Народ – ACC DEF   поднять – FİN   чтобы – CV

jır-γaru   oγuz   budun   täpā   sünüş-di-m

Налево – DAT   огуз   народ   к   сражаться – PST-1SG

‘Чтобы поднять (свой) народ, (я принял) налево (т.е. на север) против народа огузов ... сразился’

4.3.4.2. В рунических текстах наиболее распространенным способом выражения обстоятельства цели является модель, построенная по образцу:

*Именная часть речи + послелог **üčün** ‘для’.*

168.

İltäris qaγan bilig äsın üčün, alpın üčün Tabγaçqa jāti jāgirmi sünüşdi (T48-49)

İltäris   qaγan   bilig   äs-in   üčün

Эльтериш каган знание товарищ – 2SG.POSS для – POST

alp-ïn üčün Табгач-qa

герой – 2SG.POSS для – POST Табгач – DAT

jäti jägirmi sünüs-di
семнадцать сражаться – PST

‘Эльтериш каган, ради своего сообщества со знанием и героизмом, на табгачей ходил сражаться семнадцать раз’

4.3.5. Модели обстоятельства причины

Общее значение обстоятельств причины состоит в том, что «ситуация, выраженная зависимой предикацией, является причиной осуществления ситуации, выраженной главной предикацией» [Пазельская, Шлуинский 2007: 71].

4.3.5.1. В языке ДТРИ существуют следующие основные средства выражения причины: деепричастия и деепричастные обороты:

169.

Üč karluk jablak sakïnïp täzä bardï (Mč 11)

Üč karluk jablak sakïn-ïp täz-ä bar-dï

Три карлук плохой думать – CV бегать – CV идти – PST

‘Три карлука, с злыми намерениями, бежали’

170.

Bän özüm bilgä Toñuquq Ötükän järig qonmıs, täjin, äsidip bärjäki budun ... kälti
(T17)

Bän özüm bilgä Toñuquq Ötükän jär-ig qon-mıs täjin
Я сам мудрый Тоньюкук Отюкэн земля – ACC прийти – CV

Äsid-ip bärjäki budun käl-ti

Слышать – CV южные народы прийти – PST

‘Я сам, мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкэн, пришли (к нам) южные народы’

171.

Biz az biz tijin korkmıs (O 7)

Biz az biz tijin kork-mıs
Мы малы 1PL.PERSAFF поэтому бояться – PST

‘Мы малы, поэтому, боялись’

4.3.5.2. *Обстоятельство причины выражается причастиями и причастными оборотами с послелогом **üçün**:*

172.

Täŋri jarlıkaduk üčün män kazıantık üčün türk budun kazıanmıř ärinč (M33)

Täŋri jarlıkaduk   üčün   män   kazıantık   üčün

Небо соизволить – РТСР   для   я   приобрести – РТСР   для

Türk   budun   kazıan-mıř   ärinč

Тюрк   народ   приобретать – PST   быть

‘Так как Небо было (ко мне) благосклонно и я (столько) приобрел (завоевал), то и народ тюркский стал тоже приобретателем’

В этом примере причастие, не принимая никаких аффиксов, присоединилось к послелогу **üčün**. В следующем примере причастие **-tuk**, принимая аффиксы принадлежности, может присоединяться к послелогу **üčün**.

173.

Täŋri jarlıkadukin üčün ... kaıan olirim (Ktm 9)

Täŋri jarlıka-duk-in   üčün   kaıan   ol-ir-im

Небо соизволить – РТСР –1SG/ POSS   для   каган   стать – PST – 1SG

‘По милости неба ... я сел (на царство) каганом’

4.3.5.3. *Обстоятельство причины выражается причастием и причастным оборотом без послелога:*

174.

Jayı bolip itinü jaratunu umaduk jana içikmis (Ktb 10)

jayı   bol-ıp   itinü   jaratunu   umaduk

враг   статья – CV   убрать   делать для себя   надеяться

jana   ičik-mis

снова   направляться внутрь – PRF

‘Стал врагом и не будучи в состоянии (что-либо) сделать для себя’

В языке ДТРП местоимение, прилагательное и иногда существительное с послелогоми **üčün** и **ötrü** служат для выражения причинных отношений:

175.

Bir äki atlïy jablakïn üčün kara budunïm öltiη (Mč17)

Bir   äki   atlïy   jablak-ïn   üčün   kara

один два   знаменитый   низость – ACC   из-за   простой

budun-ïm   öl-ti-η

народ – 1SG.POSS   погибать – PST-2SG

‘Из-за низости одного-двух знаменитых (именитых) ты, мой простой народ, получил сильный удар и погибал’

176.

Anta ötrü qaγanïma ötüntüm (T12)

Anta   ötrü   qaγan-ïm-a   ötün-tü-m

Там   потом   каган – 1SG.POSS – DIR   обращаться – PST – 1SG

‘После этого я обратился с просьбой к кагану’

4.3.6. Модели обстоятельства меры и степени

Обстоятельство меры и степени обозначает меру и степень совершения действия и выражается следующим образом:

4.3.6.1. *Обстоятельство меры и степени выражается числительным:*

177.

İltäris qaγan ... Tabγačqa jāti jāgirmi sünüsdi (T48-49)

İltäris   qaγan   Tabγač-qa   jāti   jāgirmi   sünüs-di

Эльтериш каган   Табгач – DAT   семнадцать   сражаться – PST

‘Эльтериш каган ... на табгачей ходил сражаться семнадцать раз’

*Обстоятельство меры и степени выражается сочетанием количественного числительного с именем существительным со значением меры и количества и нумеративными словами **joli** «раз» и **qata** «раз»:*

178.

Kanīm kaγan bunča...kīrk artuk(ī jit)i jolī sülāmis (Ktb 14-15)

Kan-īm   kaγan   bunča   kīrk   artuk (ī jit)i

Отец- 1SG.POSS   каган   столько   сорок   семь

jolī   sülā-mis

раз   ходить войной – PST

‘Мой отец-каган столько сорок семь раз ходил с войсками’

*Обстоятельство меры и степени выражается количественным числительным и слово «**jil**» (год):*

179.

Älig jil isiq küçig birmis (Ktb 8)

Älig   jil   isiq   küçig   bir-mis

Пятьдесят   лет   труд   силы   отдать – PST

‘Пятьдесят лет отдавали они (ему свои) труды и силы’

*Количественное числительное и слово **aj** (месяц), **jaš** (год – о возрасте), собирательное числительное **Kop** тоже выражают обстоятельство меры и степени:*

180.

Eki aj kütdim (MÇ 17)

Eki   aj   küt-di-m

Два   месяц   ждать – PST – 1SG

‘Два месяца я ждал’

181.

Kül tigin ö(lıp) kırk artukī jiti jašın bolti (Ktb 53 13)

Kül tigin   ö(lıp)   kırk artukī   jiti   jašın   bolti

Кюль Тегин   умерать-CV   сорок   семь   лет   быть

‘Кюль-Тегин умирал сорока семи лет’

182.

Sü sülöpän tört buluᅇdakī budunıᅇ kop almıs (Ktb2)

Sü   sülöpän   tört   buluᅇ-da-kī

Войско   выступать – CV   четыре   угол – DATABL – SREP

Budun-ïy   kor   al-mïs

народ – ACC   все   покорить – PST

‘Выступая с войском, они покорили все народы, жившие по четырем углам’

4.3.6.2. *Обстоятельство меры и степени выражается наречиями:*

183.

Az budunïy üküš kiltim (Ktm 10)

Az   budun-ïy   üküš   kıl-ti-m

малоимущий   народ – ACC   богатый   сделать – PST – 1SG

‘Малоимущий народ сделал богатым’

4.3.7. Модели обстоятельства условия

Общее значение условных обстоятельственных моделей состоит в том, что «ситуация, выраженная зависимой предикацией, является условием для осуществления ситуации, выраженной главной предикацией» (Пазельская, Шлуинский 2007: 27).

Модели обстоятельства условия обозначают условие, при котором совершается действие, и выражаются формой **–sar**, **–sär**.

Условное деепричастие **–sar**, **–sär** в орхонских памятниках выступает только в обстоятельственной функции как сказуемое зависимого предложения. А в енисейских надписях аффиксы **–sar**, **–sär** используются также в атрибутивной функции [Кононов 1980: 132].

Условные предложения принято разделять на три семантических типа.

4.3.7.1. Условные конструкции с предположительным условием, характеризующиеся тем, что говорящий не знает, осуществилась ли или осуществится ли ситуация, описываемая зависимой предикацией, в реальности. Сказуемое в этом случае выражается настоящим-будущим, будущим категорическим временами, формами желательного наклонения:

184.

Bir todsar ačsĭk ömäzsän (Ktm 8)

Bir tod-sar   ač-sĭk   ö-mäz-sän

Один насыщаться – COND   голодный – PTCP   думать – NEG – 2SG

‘Раз насытившись, ты не испытывать (состояния) голода’

4.3.7.2. Условные конструкции с реальным условием, характеризующиеся тем, что ситуация, описываемая зависимой предикацией, осуществилась или осуществляется в реальности. Сказуемое выражается формами настоящего-будущего времени, будущим категорическим, формами повелительного наклонения, именным сказуемым:

185.

Ol jirqärü barsar türk bodun öltäčisän (Ktm 8)

Ol jir-qärü   bar-sar   türk   budun

Та страна – DIR   идти – COND   тюрк   народ

öl-täči-sän

умереть – PTCP – 2SG

‘Тюркский народ, когда ты идешь в ту страну, ты становишься на краю гибели’

4.3.7.3. Условные конструкции с нереальным условием, характеризующиеся тем, что ситуация, описываемая зависимой предикацией, не осуществилась или не осуществляется в реальности. Сказуемое выражается следующими формами: прошедшим категорическим временем, прошедшим неочевидным и будущим-прошедшим:

186.

är ärdäm älim bolsar bodun isrik jörümädi (E29,2)

är	ärdäm	äl-im	bol-sar
Герой	доблесть	эль –1 SG.POSS	обладать – COND
Bodun	isrik	jörü-mä-di	
Народ		ходить – NEG – PST	

‘Если бы мой эль обладал геройской доблестью, народ не ходил бы мятущимся’

Нереальное условие выражается также сочетанием прошедшего категорического времени + модальности на **ersär**:

187.

Kälir ärsär, kü är ükülür, kälmäz ärsär tiliy sabiy ali olur (T32)

Käl-ir	är-sär	kü	är	ükül-ür
Приходить – PRS	быть – COND	знаменитые	мужчина	увеличиваться – PRS
Käl-mäz	är-sär	til-iy	sab-iy	
Приходить – NEG	быть – COND	язык – ACC	слова – ACC	

Al-ĩ ol-ur

Братъ – CV быть – IMP

‘Если (кто-нибудь) пожелает прийти, (число) знатных воинов увеличится, если (никто) не захочет прийти, бери «языков», (собирай) сведения (о врагах)’

Обстоятельство образа действия выражается наречием, именем прилагательным, деепричастиями, именем существительным в эктативном падеже –čä; винительными падежами, послеложными конструкциями täq, birlä. В итоге выявлены шесть моделей.

Пространственную семантику в тюркских языках содержат словоформы местного-исходного, направительного и исходного падежа, конструкции с послеложными словами, которые указывают на местонахождение, или пункты перемещения предметов и явлений, а также наречия. Обнаружены пять моделей.

Обстоятельства времени выражаются именами существительными в различных падежах; именными словосочетаниями; формами имени числительного, порядкового числительного и имени числительного в сочетании с послелогом; местоимением; деепричастием; конструкцией -da käsärä; словами, которую выражают временное значение; наречием. В итоге обнаружены восемь моделей.

Обстоятельство цели в языке ДТРП может быть выражено различными средствами: деепричастиями с показателями -GAlĩ; -A; -İ; -U, именными частями речи в сочетании с послелогом üčün ‘для’. Выявлены две модели.

Основные средства выражения причины: деепричастия и деепричастные обороты, причастия и причастные обороты с послелогом üčün, причастия и причастные обороты без послелогом, существительные с послелогом üčün и ötrü. Обнаружены шесть моделей.

Обстоятельство меры и степени выражается числительным и наречием, и образует две модели.

Обстоятельство условия обозначает условия, при которых совершается действие, и выражается формой –sar, -sär; представлено одной конструкцией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования были проанализированы синтаксические модели в языке древнетюркских рунических памятников. Работа основывалась на представлении, что синтаксис представляет собой подсистему языка, имеющую ограниченный набор инвентарных синтаксических моделей. Конкретные речевые высказывания базируются на типовых синтаксических структурах, компоненты которых связаны одной из трех синтаксических связей: копулятивной, атрибутивной, предикативной. Эти три разновидности связей выявлены в языке ДТРП.

Диссертация состоит из четырех глав. Первая глава сосредоточена на понятийно-терминологическом аппарате исследования и рассмотрении таких фундаментальных для данной темы понятий, как язык, речь и – соответственно – фонема и звук, монема и знак, морфема и морф/алломорф/аффикс, форма и словоформа, модель, синтаксическая конструкция и высказывание, предложение.

Вторая глава посвящена исследованию **копулятивных синтаксических моделей**. В силу своего ограниченного проявления в языке ДТРП копулятивные модели ранее оставались на периферии внимания ученых и не становились объектом специального изучения. Мы выявили и проанализировали пять копулятивных моделей.

В языке ДТРП компоненты копулятивных моделей объединяются на основе морфологического подобия и следующих основных семантических свойств их составных частей: а) семантическая близость и синонимия; б) антонимия; в) бинарность.

Проведенный анализ позволил подтвердить, что такие конструкции представляют собой объединение двух и более знаменательных слов, имеющих одинаковую синтаксическую функцию в высказывании. Приведем выявленные в ходе исследования схемы копулятивных моделей:

1. N + N + N + P
2. N + POSS + PER + PER + PER
3. ADJ + NEG + ADJ + NEG + ADJ + ADJ + PST
4. POSS + DATLOC + POSS + DAT + CV + PST
5. COND + N + DAT + COND + N + DIR + COND + COND + DIR

По результатам исследования, проведенного в Третьей главе, можно констатировать, что практически все имеющиеся в арсенале морфологической подсистемы языка ДТРИП формы могут выступать в высказывании в качестве синтаксического предиката. **Предикативная модель S + P**, содержание которой состоит в передаче мысли в виде суждения, представляет собой с коммуникативной точки зрения важное языковое средство, так как именно с помощью этой модели в речи строятся предложения и предикативные высказывания, имеющие законченный смысл. Многообразие же речевых реализаций данной модели, регистрируемое в древнетюркских рунических текстах, полностью соответствует утверждению, что на базе ограниченного количества языковых единиц можно построить безграничное количество речевых высказываний.

По итогам исследования было выявлено, что общая синтаксическая модель «Субъект – Предикат» представлена, по меньшей мере, двумя основными моделями:

- 1) Субъект – Именной предикат;

2) Субъект – Глагольный предикат.

Уточнен способ выражения субъекта, именного и предикативного предиката. Выявлено, что в языке ДТРИ субъект может быть выражен существительным, местоимением, субстантивированными словами, именными словосочетаниями, формами вторичной репрезентации имени, глагольными именами, причастиями, субстантивно-адъективными формами (САФ). Данные формы образуют **восемь моделей**:

1. N + P
2. PRON + NUM + P
3. N + 3SG.POSS + P
4. SAF + P
5. IZAF + P
6. N + LOC + SREP + P
7. VN + P
8. PTCP + P

В языке рассмотренных текстов предикат – если это глагольный предикат – выражен временными формами, модальными формами, сложными формами, аналитическими формами, деепричастием. Глагольный предикат представлен **пятью моделями**:

1. S + P_{VF}
2. S + P_{MV}
3. S + P_{COMP V}
4. S + P_{ASP}
5. S + P_{CV}

В свою очередь, именной предикат выражается именем существительным, местоимением, прилагательным, числительными, глагольными именами, причастиями и составляют **семь моделей**.

1. S + N + PST
2. S + ADJ
3. S + PTCP
4. S + IZAF
5. S + IZAF + POST + PST
6. S + NUM + PRF
7. S + PRE + PRF

Четвертая глава посвящена **атрибутивным моделям** в языке ДТРП, которые представлены тремя разновидностями: 1) Определительные модели; 2) Дополнительные модели; 3) Обстоятельственные модели.

Под определительными моделями понимаются такие конструкции, в которых отражена и обобщена связь предмета или действия с приписываемым ему или констатируемым у него признаком. В ходе исследования мы определили, что в языке ДТРП в функции определения выступают модели с прилагательным, с причастием, с САФом, с числительными, с местоимениями, с именными словосочетаниями. Таким образом, в языке ДТРП выявлены **шесть моделей** в функции определения:

1. ADJ + N + GEN + P
2. PTCP + N+ POSS + V + NEG PTCP + P
3. N + POSS + V + NEG + SAF + N
4. N+ POSS + N + NUM + P
5. PRON + N + P

6. N+ N + 3SG.POSS + P

Дополнения делятся на два основных типа: прямое и косвенное. Прямое дополнение может быть оформлен аффиксом винительного падежа или же оставаться без падежного указателя. По употреблению аффиксов винительного падежа прямое дополнение можно разделить на два типа: определённое и неопределённое. Определённое прямое дополнение в текстах рунических памятников может выражаться существительным в винительном падеже, а неопределённый прямой объект – существительным в неопределённом винительном падеже, т.е. без аффиксов.

Его могут выразить любые слово или словоформа, несущие предметную семантику: существительное в винительном падеже, местоимение, локативное прилагательное, субстантивированная часть речи, а также изафетное словосочетание.

Имя существительное, оформленное показателем винительного падежа, обозначает определенный объект и оформляет прямое дополнение.

1. POSS + ACCDEF + NEG + PST

Анализ фактического материала ДТРП также показал, что имя существительное в роли прилегающего дополнения без аффикса винительного падежа часто представляет неопределенный объект. В текстах памятников зачастую прилегающее прямое дополнение употребляется в неопределённом винительном падеже. Это происходит, когда объект, на который распространяется действие переходного глагола, не выделен из однородных предметов и представляет собой совокупное множество предметов, т.е. имя существительное берется в его собирательном значении.

2. ACC IND + CV + ACC IND + CV + PST

В языке ДТРП косвенный объект выражается с помощью различных падежных форм, посредством послелогов в составе словосочетаний, местоимением с субстантивным значением, именным словосочетанием (изафетом), субстантивно-адъективной формой (САФ).

1. N + DAT + PST
2. N + POSS + N + POST + PST
3. PRON + DAT + PRS
4. IZAF + GEN + 3SG.POSS + CV + PRF
5. SAF + POSS + ACCDEF

В ходе исследования мы выявили в языке ДТРП **семь моделей**.

В языке ДТРП различаются следующие виды **обстоятельственных синтаксических конструкций**:

- 1) Модели обстоятельства образа действия;
- 2) Модели обстоятельства места;
- 3) Модели обстоятельства времени;
- 4) Модели обстоятельства цели;
- 5) Модели обстоятельства причины;
- 6) Модели обстоятельства меры и степени;
- 7) Модели обстоятельства условия.

Обстоятельство образа действия выражается наречием, именем прилагательным, деепричастиями, именем существительным в эктативном падеже –*čä*; винительными падежами, послеложными конструкциями *täq*, *birlä*. В итоге выявлены **шесть моделей**:

1. ADV + IMP + ADV + IMP
2. ADJ + PST
3. N + CV + N + CV + PTCP + PST
4. N + EKV + CV + PST
5. N + ACC + PRS
6. N + POSS + POST + PST

Пространственную семантику в тюркских языках содержат словоформы местного-исходного, направительного и исходного падежа, конструкции с послеложными словами, которые указывают на местонахождение, или пункты перемещения предметов и явлений, а также наречия. Обнаружены **пять моделей**:

1. N+ ABL + DIR + N + PST
2. N + DAT + POST + PST
3. DAT TER + N + PRF
4. N + 3SG.POSS + DAT + PST
5. N + PST + N + PRON

Обстоятельства времени выражаются именами существительными в различных падежах; именными словосочетаниями; формами имени числительного, порядкового числительного и имени числительного в сочетании с послелогом; местоимением; деепричастием; конструкцией -da käsra; словами, которые выражают временное значение; наречием. В итоге обнаружены **восемь моделей**.

1. N + DAT + N + POST + PST
2. N + 3SG.POSS + LOCABL + CV + PST
3. N + NUM + CV
4. N + PRON + PST + 1PL

5. N + CV + N + CV + DAT + N + DAT + PRF
6. N + PTCP + POST + N + PRF
7. ADV + IZAF + CV + PRS
8. N + COND + ADV + N + CV + PTCP + 2SG

Обстоятельство цели в языке ДТPII может быть выражено различными средствами: деепричастиями с показателями -GAlI; -A; -I; -U, именными частями речи в сочетании с послелогом *üçün* 'для'. Выявлены **две модели**:

1. N + FUT + N + POSS.3SG + CV + PRF
2. N + 2SG.POSS + POST + 2SG.POSS + POST + DAT + PST

В языке ДТPII существуют следующие основные средства выражения причины: деепричастия и деепричастные обороты, причастия и причастные обороты с послелогом *üçün*, причастия и причастные обороты без послелога, существительные с послелогом *üçün* и *ötrü*. Обнаружены **шесть моделей**:

1. N + CV + CV + PST
2. N + ACC + CV + CV + N + PST
3. PTCP + POST + PRON + PTCP + N + PST
4. PTCP + POSS + POST + N + PST
5. N + POST + N + 1SG.POSS + PST
6. POST + 1SG.POSS + DIR + PST

Обстоятельство меры и степени выражается числительным и наречием, и образует **две модели**:

1. N + DAT + NUM + PST

2. N + ACC + ADV + PST

Модель обстоятельства условия обозначает условия, при которых совершается действие, и выражается формой –sar, -sär, и представлена **одной конструкцией**:

PRON + DIR + COND + N + PTCP

Суммарное количество выявленных в ходе исследования моделей составляет 68; эти модели проиллюстрированы 187 примерами.

В перспективе, при дальнейшем исследовании мы можем, опираясь на построенную классификацию синтаксических конструкций языка древнетюркских рунических памятников, предложить гипотетическую модель возникновения и становления структурных единиц современных тюркских языков, стоящих на соответствующей шкале генетического развития и представляющих собой, таким образом, более поздние в диахроническом отношении языки (азербайджанский, турецкий).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1	first person	1 лицо
2	second person	2 лицо
3	third person	3 лицо
ABL	ablative	исходный падеж
ACC	accusative	винительный падеж
ACCDEF	accusative definite	определенный винительный
ACCIND	accusative indefinite	неопределенный винительный
ACTN	action name	имя действие
ADJ	adjective	прилагательное
APP NUM	approximate numeral	приблизительные числительные
AUX	auxiliary	вспомогательный глагол
CAUS	causative	понудительный залог
COND	conditional mood	условное наклонение
CV	converb	деепричастие
DAT	dative	дательный падеж
DERAFF	derivational affix	словообразовательные аффикс
DIR	directive	направительный
EKV	exvative	экватив

EXCONS	exhibition consonant	выставочный согласный
FUT	future	будущее время
GEN	genitive	родительный падеж
IMP	imperative	повелительное наклонение
INST	instrumental	инструментальный падеж
LOC	locative	местный падеж
NOUN	noun	существительное
NEG	negative	отрицание
OPT	optative	желательное наклонение
ORD	ordinal	порядковая форма
P	predicate	предикат
PASS	passive	страдательный залог
PL	plural	множественность
POSS	possessive	принадлежность
POST	postposition	послелог
PRON	pronoun	местоимение
REF PRON	reflexive pronoun	возвратное местоимение
PRF	perfect	перфект
PRS	present	настоящее время
PTCP	participle	причастие
PST	past	прошедшее время

PTN	potential	потенциальное
S	subject	субъект
SAF	substantive-adjektive form	субстантивно-адъективные форма
SG	singular	единственное число
SREP	secondary representation	вторичная репрезентация
V	verb	глагол
VN	verbnoun	именной глагол

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- ДТРП   древнетюркские рунические памятники
- Е   Енисейские памятники
- Кč   «Памятник Кули-Чуру»: Малов С. Е. Памятники
древнетюркские письменности Монголии и Киргизии. М.- Л., 1959, 25-30.
- Ktm, Ktb   Памятник в честь Кюль-тегина (Малая и Большая надписи):
Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.- Л., 1951. С. 19-27.
- М, Мха, МХь   «Памятник хану могилянцу»: Малов С. Е. Памятники
древнетюркские письменности Монголии и Киргизии. М.- Л., 1959, 11-25.
- Мč   «Памятник Моюн-чуру»: Малов С. Е. Памятники
древнетюркские письменности Монголии и Киргизии. М.- Л., 1959, 30-44.
- Т.   Памятник Тоньюкука: Малов С. Е. Памятники древнетюркские
письменности. М.-Л., 1951. С. 56-70.
- Ї В   «Гадательная книга» (İrq bitig): Малов С. Е. Памятники
древнетюркские письменности. М. - Л., 1951. С. 80-92.
- О   «Онгинский памятник»: Малов С. Е. Памятники
древнетюркские письменности Монголии и Киргизии. М.- Л., 1959, 7-11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ:**

1. Abdulla Kamal 2016 – Kamal, A. Azərbaycan dili sintaksisinin nəzəri problemləri. Bakı: MTM-İnovation, 2016. 360 s.
2. Alyılmaz Cengiz 2005 – Alyılmaz, C. Orhun Yazıtlarının Bugünkü Durumu. Ankara: Kurmay yayınları, 2005. VIII+276 s.
3. Alışova Demirdağ 2021 – Alışova Demirdağ, E. Azərbaycan Türkçesi Söz Dizimi. İstanbul: Kesit Yayınlar, 2021. 478 s.
4. Dallı 2018 – Dallı, H. Türkçede söz diziminin yapı birimleri. İstanbul: Papatya yay, Eğitim, 2018. 260 s.
5. Erdal 2004 – Erdal, M. A Grammar of Old Turkic. Boston, 2004. 575 p.
6. Kamalova 2018 – Kamalova, Sh. N. On the question of structural units of the Turkic syntax // TEXTE – Revue de critique et de théorie littéraire. 2018. Vol. 13. Issue 4. P. 27–30.
7. Kamalova 2019 – Kamalova, Sh. N. Izafet in Language of Ancient Turkic Runic Inscriptions and Modern Azerbaijan Language // Zeitschrift für die Welt der Türken. München, Germany. VOL. 11, №1, 2019. P. 75–83.
8. Kazımov 2010 – Kazımov, Q. Ş. Müasir Azərbaycan dili. Sintaksis. Bakı: Elm və təhsil, 2010. 500 s.
9. Martinet 1960 – Martinet A. Eléments de linguistique générale. Paris: Armand Colin, 1960. 224 p.

10. Musayev 2011 – Musayev, M. Türk ədəbi dillərində mürəkkəb cümlə sintaksisi. Bakı: Kitab aləmi, 2010. 404 s.
11. Orkun 2011 – Orkun, H. N. Eski Türk Yazıtları. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2011. 962 s.
12. Ölmez 2015 – Ölmez, M. Orhon-Uygur Hanlığı Dönemi Moğolustandaki Eski Türk Yazıtları: Mein-Çeviri-Sözlük. Ankara: BilgeSu yayıncılık, 2015. 400 s.
13. Rəcəbli 2006 – Rəcəbli, Ə. Qədim türk yazılı abidələrinin dili. 2 hissədə. I hissə. Bakı: Nurlan, 2006. 648 s. (II hissə 480 s.)
14. Tekin 2003 – Tekin, T. Orhon Türkçesi Grameri. İstanbul: TDAD, 2003. 272 s.
15. Tekin 2020 – Tekin, T. Tonyukuk yazıtı. Ankara: Bilgesu Yayıncılık, 2020. 112 s.
16. Tekin, Ölmez 2014 – Tekin T., Ölmez M. Türk dilleri (-Giriş-). Ankara: Bilgesu Yayıncılık, 2014. 224 s.
17. Şükürlü 1993 – Şükürlü, Ə. C. Qədim türk yazılı abidələrinin dili. Bakı: Maarif, 1993. 336 s.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ:

1. Аврорин 1975 – Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука, 1975. 276 с.
2. Аврутина 2011 – Аврутина А. С. Древнетюркские рунические памятники: Система письма и фонологическая реконструкция. М.: Едиториал УРСС, 2011. 136 с.
3. Аманжолов – Аманжолов А.С. Глагольное управление в системе синтаксических связей слов (на основании данных древнетюркского языка). М.: Наука, 1969. 103 с.

4. Ахманова 1966 – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1966. 607 с.
5. Ахманова, Микаэльян 2013 – Ахманова О. С., Микаэльян Г. Б. Современные синтаксические теории. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 168 с.
6. Апресян 1974 – Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 368 с.
7. Баскаков 1952 – Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология (Части речи и словообразование). Ч. 1. / Н. А. Баскаков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 543 с.
8. Баскаков 1984 – Баскаков А.Н. Предложения в современном турецком языке. М.: Наука, 1984. 200 с.
9. Баскаков 1974 – Баскаков А. Н. Словосочетания в современном турецком языке. М.: Наука, 1974. 186 с.
10. Баскаков 2006 – Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков: Словосочетание и предложение. – М.: КомКнига, 2006. 288 с.
11. Байжанова 1999 – Байжанова Н.Р. Базовая структурная схема N_1-V_f элементарного простого предложения в алтайском языке: Дис. ...канд. филол. наук. Новосибирск, 1999. 158 с.
12. Байжанова 2004 – Байжанова Н.Р. Модели элементарных простых предложений в алтайском языке: Структурная схема N_1-V_f . Новосибирск: Наука, 2004. 176 с.
13. Белошапкова 1997 – Белошапкова В. А. Синтаксис // Современный русский язык. М.: Азбуковник, 1997. С. 532–772.

14. Бодуэн де Куртенэ 1963 – Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. 391 с.
15. Валиева 2014 – Валиева Л.Г. Обстоятельственные отношения ситуативного плана в тюркских языках // Вестник СВФУ. 2014. Том 11, № 5. С. 60-66.
16. Виноградов 2001 – Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / Под ред. Г. А. Золотовой. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
17. Гаджиева 1968 – Гаджиева Н.З. О методах сравнительно-исторического анализа синтаксиса // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1968. № 3. С. 19–30.
18. Гаджиева, Серебренников 1986 – Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1986. 284 с.
19. Грамматика Азербайджанского языка (фонетика, морфология и синтаксис) / Под общей ред. М. Ш. Ширалиева и Э. В. Севортяна. Баку: «Элм», 1971. 416 с.
20. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1970. 767 с.
21. Гузев 1976 – Гузев В. Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // *Turcologica*. К 70-летию академика А.Н. Кононова. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 1976. С. 61-65.
22. Гузев 1987 – Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Имя (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987. 146 с.
23. Гузев 1990 – Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. 168 с.

24. Гузев 2011 – Гузев В. Г. О разграничении понятий «морфема» и «монема» // Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В.Б. Касевича. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 29–34.
25. Гузев 2015 – Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. 320 с.
26. Гузев, Бурыкин 2007 – Гузев В. Г., Бурыкин А. А. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Нестор-история, 2007. С. 109–118.
27. Гузев, Насилов 1975 – Гузев В. Г., Насилов Д. М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания. № 3. 1975. С. 98–111.
28. Гузев, Аврутина 2013 – Гузев В. Г., Аврутина А.С. Функциональный синтаксис современного турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 72 с.
29. Гумбольдт 2000 – Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 397 с.
30. ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
31. Дубровина 2015 – Дубровина М. Э. Об этапах формирования определительных субстантивных конструкций (изафетов) в языке древнетюркских рунических надписей (в сравнении с современным турецким языком) // Вестник СПбГУ. Серия 13. Вып. 1 СПб. 2015. С. 12–21.
32. Дубровина 2011 – Дубровина М.Э. Категория аспектуальности языка древнетюркских рунических памятников // Очерки по теоретической грамматике восточных языков / Под ред. В.Г. Гузева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 141–158.

33. Дубровина 2010 – Дубровина М.Э. Морфология языка древнетюркских рунических надписей. Субстантивное словоизменение. Анализ общетюркских тенденций. Изд-во Lambert Academic Publishing, 2010. 239 с.
34. Дубровина, Камалова 2017 – Дубровина М.Э., Камалова Ш. Н. О понятии «Синтаксическая модель» применительно к тюркским языкам (на материале языка древнетюркских рунических памятников) // Современные проблемы гуманитарных наук в мире. Выпуск IV. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (11 июня 2017 г), г. Казань. С. 61–65.
35. Золотова 1873 – Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
36. Золотова 1982 – Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
37. Исхаков и Пальмбах 1961 – Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка: фонетика и морфология. М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. 470 с.
38. Камалова 2017 (а) – Камалова Ш.Н. Субстантивная определительная конструкция «изафет» в языке древнетюркских рунических надписей и в современном азербайджанском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №5 (71). 2017. Часть 3. «Грамота». С. 93–96.
39. Камалова 2017 (б) – Камалова Ш. Н. Аналитические формы в предикативных конструкциях (на материале древнетюркских рунических памятников) // Актуальные вопросы тюркологических исследований: Международная научная конференция XIX Ивановские чтения, 19 мая 2017 г.: Материалы конференции / Под ред. Н. Н. Телицина. – СПб.: Центр содействия образованию, 2017. С. 41–47.

40. Камалова 2018 (а) – Камалова Ш. Н. Предикативная модель в языке древнетюркских рунических памятников // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 4. С. 94–97.
41. Камалова 2018 (б) – Камалова Ш.Н. Опыт анализа синтаксических предикативных моделей в языке древнетюркских рунических памятников // *Türkolojiya. Bakı*. 2018. № 4. С. 8–20.
41. Камалова 2019 – Камалова Ш.Н. Способы выражения обстоятельства места в языке древнетюркских рунических памятников // Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием «Предложение как единица языка и речи», посвященного 95-летию со дня рождения М.И. Черемисиной (Новосибирск, 8–11 октября 2019). Новосибирск. 2019. С. 73–75.
42. Камалова 2020 – Камалова Ш. Н. Копулятивная модель в языке древнетюркских рунических памятников и современном азербайджанском языке // Вопросы тюркской филологии. Выпуск XIII: материалы Дмитриевских чтений / Отв. ред. М.М. Репенкова, Е.А. Оганова; ред. О.Н. Каменева, Е.М. Напольнова, А.В. Чиврикова; МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Издательство МБА, 2020. С. 122–132.
43. Камалова 2023 (а) – Камалова Ш. Н. Модели косвенного дополнения в языке древнетюркских рунических памятников // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16, выпуск 11. С. 3809-3815.
44. Камалова 2023 (б)– Камалова Ш. Глагольный предикат в языке древнетюркских рунических памятников. X. Uluslararası Türkoloji Kongresi, Noca Ahmet Yasevi Uluslararası Türk-Kazak universitesi, Türküstan (Kazakıstan), Bildiri Kitabı, Ankara, 2023, s. 1283 – 1298.

45. Кляшторный 2006 – Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.
46. Казым-Бек 1846 – Казем-Бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань: Университетская типография, 1846. 459 с.
47. Касевич 1988 – Касевич В.Б. Семантика. Морфология. Синтаксис. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1988. 309 с.
48. Касевич 2006 – Касевич В.Б. Труды по языкознанию. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 663 с.
49. Козаржевский 1981 – Козаржевский А.Ч. Учебник латинского языка. М.: Издательство Московского университета, 1981. 312 с.
50. Кондратьев 1973 – Кондратьев В.Г. Об отношении языка памятников орхон-енисейской письменности к языку древнеуйгурских памятников // Советская тюркология. 1973. №3.
51. Кондратьев 1970 – Кондратьев В. Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1970. 64 с.
52. Кондратьев 1980 – Кондратьев В.Г. Перифрастические и аналитические формы глагола в древнетюркском языке // Востоковедение 7. Филологические исследования. Л., 1980. С. 32–40.
53. Кондратьев 1981 – Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI в. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1981. 191 с.
54. Кондратьев 1962 – Кондратьев В. Г. Конструкция изафета и прямое дополнение в языке памятников тюркской рунической письменности // Ученые

записки Ленинградского государственного университета. Серия востоковедческих наук. 1962. Вып. 16. № 3, С. 68–79.

55. Кононов 1956 – Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 570 с.

56. Кононов 1980 – Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. Л.: Наука, 1980. 258 с.

57. Кормушин 2004 – Кормушин И. В. Древние тюркские языки. Абакан: Издательство Хакасского гос. университета им. Н. Ф. Катанова, 2004. 336 с.

58. Кошкарева 2005 – Кошкарева Н. Б. Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка: часть первая. Синтаксические связи / Отв. редактор А. А. Мальцева. Новосибирск: Любава, 2005. 334 с.

59. Кызласов 1960 – Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. № 3. М., 1960. С. 152–161.

60. Левин 2001 – Левин Г. Г. Лексико-семантические паралели орхонско-тюркского и якутского языков (в сравнительном плане с алтайским, хакасским, тувинским языками). – Новосибирск: Наука, 2001. 190 с.

61. Ломтев 1969 – Ломтев Т. П. Принципы построения формулы предложения // Филологические науки. 1969. № 5. С. 3–17.

62. Ломтев 1976 – Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М.: Наука, 1976. 381 с.

63. Майзель 1957 – Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 187 с.

64. Малов 1952 – Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. ОЛЯ. Т. 11. Вып. 2. 1952. С. 135–143.

65. Малов 1951 – Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1951. 452 с.
66. Малов 1959 – Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1959. 113 с.
67. Маслов 1998 – Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1998. 272 с.
68. Мельников 1969 – Мельников Г. П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. 1969. № 6. С. 104–113.
69. Мельников 1971 – Мельников Г. П. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 121–137.
70. Мельников 1978 – Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики / Под ред. Ю.Г. Косарева. М.: Советское радио, 1978. 368 с.
71. Мельников 1978а – Бодуэновское понимание системности языка // Языковая практика и теория языка. Вып. 2. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 32–51.
72. Мельников 2003а – Мельников Г. П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. № 6. М., 2003. С. 104–113.
73. Мельников 2003б – Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.
74. Насилов 1960 – Насилов В. М. Язык Орхоно-Енисейских памятников. М.: Издательство Восточной литературы, 1960. 86 с.
75. Насилов 1963 – Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. М.: Издательство Восточной литературы, 1963. 122 с.

76. Насилов 1974 – Насилов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв. М.: Наука; Главная редакция Восточной литературы, 1974. 102 с.
77. Невская 1997 – Невская И. А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): дисс. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 1997. 198 с.
78. Павлов 2004 – Павлов В.М. К вопросу о предмете синтаксиса // Теоретические проблемы языкознания. Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПбГУ, 2004. С. 248–260.
79. Пазельская, Шлуинский 2007 – Пазельская А. Г., Шлуинский А.Б. Обстоятельственные предложения // Лютикова Е. А. и др. (ред.). Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007. С. 38–82.
80. Панфилов 1971 – Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М.: Наука, 1971. 232 с.
81. Пауль 2014 – Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. и вступительная статья С.Д. Канцнельсона. М.: Книжный дом «Либроком», 2014. 504 с.
82. Пешковский 1956 – Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении (Предисл. проф. А.Б. Шапиро). М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
83. Реформатский 1996 – Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
84. Сагаан 1998 – Сагаан Н.Я. Система средств выражения пространственных отношений в тувинском языке: Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1998. 21 с.

85. Севортян 1963 – Севортян Э.В. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Т. 3: Синтаксис. М., 1963. С. 122–135.
86. Сепир 1993 – Сепир Э. Язык: введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 654 с.
87. Серебренников, Гаджиева 1986 – Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 301 с.
88. Серээдар – Серээдар Н. Ч. Структурно-семантические типы моделей бытийных предложений в тюркских языках южной Сибири // Мир науки, культуры, образования. № 1 (44). 2014. С. 220–222.
89. Соссюр 1977 – Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с франц. под ред. А.А. Холодовича; Ред. М.А. Оборина; Предисл. проф. Н.С. Чемоданова. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
90. Соссюр 1998 – Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Перевод с фр. А.М. Сухотина. – М.: Логос, 1998. 235 с.
91. Талыбова – Талыбова С.Э. Словосочетания в современном персидском языке. <https://www.ayk.gov.tr/wp-content/uploads/2015/01/TALIBOVA-S.-E.-TALIBOVA-S.-Э-Словосочетания-в-современном-персидском-языке.pdf> (дата обращения 28.09.2019).
92. Телицин 1990 – Телицин Н. Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке (на материале древнеуйгурских памятников из Синьцзяна): Дисс... канд. филол. наук. Л., 1990. С. 104–105.

93. Телицин 2011 – Телицин Н. Н. Инфинитные формы глаголы в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб., 2011. С. 179–230.
94. Телицин 2015 – Телицин Н. Н. К истолкованию формы -sar в древнеуйгурском языке // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov*. Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова / Отв. ред. Е.А. Оганова. М., 2015. С. 234–238.
95. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Под ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 358 с.
96. Телякова 1994 – Телякова В.М. Простое предложение в шорском языке (в сопоставлении с русским): Автореферат. дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1994. 24 с.
97. Убрятова 1976 – Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Кн. I, II. Новосибирск: Наука, 1976. 214 с.
98. Хабибуллина 2016 – Хабибуллина Л.Г. Обстоятельственные конструкции с синкретичной семантикой в тюркских языках // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 99–101.
99. Хомский 2018 – Хомский Н. Картезианская лингвистика: Глава из истории рационалистической мысли. М.: УРСС, 2018. 232 с.
100. Хомский 1972 – Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: Издательство Московского университета, 1972. 129 с.
101. Черемисина 1989 – Черемисина М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 3–18.

102. Черемисина 1995 – Черемисина М. И. О системности в сфере моделей предложения: (На материале языков Сибири) // Языки коренных народов Сибири. Вып. I. Новосибирск, 1995. С. 56–61.
103. Черемисина, Озонова, Тазранова 2008 – Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири / Отв. ред. Е.К. Скрибник. Новосибирск: «Любава», 2008. 205 с.
104. Черемисина, Скрибник 1996 – Черемисина М. И., Скрибник Е. К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №4. С. 46–57.
105. Черемисина 2002 – Черемисина М. И. Аналитические конструкции инфинитивного типа в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Выпуск 8. Новосибирск, 2002.
106. Чугунекова 1998 – Чугунекова А.Н. Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения (на материале хакасского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1998.
107. Чугунекова 2019 – Чугунекова А. Н. Категория пространства в хакасском языке. Абакан, 2019. 160 с.
108. Шведова 1973 – Шведова Н.Ю. Вопросы описания структурных схем простого предложения // Вопросы Языкознания. 1973. № 4.
109. Щербак 1977 – Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977. 192 с.
110. Юлдашев 1965 – Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 275 с.